

Неми Мартова

ВЕТЕР,
НОЖНИЦЫ,
БУМАГА

или
V.S. СКРАПБУКЕРЫ

V.S. Скрапбукеры

Нелли Мартова

**Ветер, ножницы, бумага,
или V. S. скрапбукеры**

«Автор»

2011

Мартова Н.

Ветер, ножницы, бумага, или V. S. скрапбукеры / Н. Мартова — «Автор», 2011 — (V.S. Скрапбукеры)

ISBN 978-5-17-075789-3

В квартире пропавших родителей Инга находит их старый альбом – и оказывается внутри одной фотографии... Софью травят коллеги по работе. Поставить на место офисную стерву ей помогает... самодельная открытка. Девушки пока не знакомы друг с другом, но их уже связал вместе странный мир. Кто такие V. S. скрапбукеры? Почему их открытки заставляют людей верить в то, чего нет, и совершать безумные поступки? Инга и Софья еще не знают, какую цену им придется заплатить за свой дар.

ISBN 978-5-17-075789-3

© Мартова Н., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава I	7
Глава II	24
Глава III	43
Глава IV	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Нелли Мартова

Ветер, ножницы, бумага, или V. S. скрапбукеры

Все открытки из романа можно посмотреть на сайте <http://scrapbookers.ru>

© Н. Мартова, 2011

© М. Сергеева, рисунки внутри книги, 2011

© ООО «Астрель-СПб», 2011

* * *

Нелли Мартова – живет в Уфе, любит путешествовать по Европе, знает несколько языков. Защитила кандидатскую диссертацию, сделала успешную карьеру в области IT, но однажды поняла, что больше всего любит писать книги. Лауреат нескольких литературных конкурсов, обладатель национальной премии «Блогбастер-2008». Ее повесть «Двенадцать смертей Веры Ивановны» опубликована в сборнике «Наследницы Белкина».

Блог автора: <http://martova.ru>

Глава I

Вбежать в подъезд, взлететь одним махом по короткой лестнице, вставить ключ в замок, распахнуть дверь, тут же захлопнуть ее за собой, скинуть туфли – только так это можно было сделать, в режиме ускоренной киносъемки, и никак иначе. Не дать себе остановиться ни на секундочку, иначе будет слишком больно. Запахи родной квартиры заставили Ингу на мгновение замереть: едва уловимый аромат знакомых маминых духов, книжная пыль, сдобная выпечка и жаренная по особому рецепту курица – может ли так пахнуть в доме, где никто не живет уже несколько месяцев? Или это игра ее воображения?

Инга шагнула в комнату, сердце болезненно сжалось. На полу возле кресла пылилась кучка газет, будто отец их только что прочитал, а не оставил здесь много дней назад. Сиротливо свесил со стула рукава в заплатках папин вязаный свитер. На столе стояли графин и два пыльных стаканчика с нарисованными птичками. Инга села за стол, подняла рукав свитера и вдохнула родной запах – сигарет и овечьей шерсти (еще той, что пряла ее бабушка, купленные в магазине свитера никогда так не пахнут). Кажется, сейчас отец войдет в комнату и скажет: «*Hijita mia!*¹ Мать, посмотри, кто пришел. *Sa va, ma cher fille?*»² Тогда Инга сразу поняла бы, что сейчас он работает над переводами с испанского и французского.

Она открыла графин, налила себе воды, сморщилась, и тут же ее с головой накрыла глухая тоска. *Dio mio*,³ родной дом и протухшая вода!

На диване возвышалась кучка шуршащих супермаркетных пакетов. Родители, как всегда, укладывали вещи в последний момент. И только мама могла сложить непослушные мягкие пакеты в такую аккуратную стопку. Кто же знал... кто же только мог знать, что это будет их последняя поездка. Вот стаканы, из которых они пили, вот любимое кресло отца, вот мамины тапочки, ждут возле дивана, а мамы с папой больше нет. «Не хочу, – упрямо сказала себе Инга. – Не хочу в это верить и не буду». Она вскочила, подошла к окну, уперлась локтями в подоконник и демонстративно повернулась к комнате спиной, словно и не существовало вовсе внезапной пустоты, которую хранили в себе давно знакомые вещи.

За окном лежала труба. Сколько Инга себя помнила, труба всегда была там, прямо под окном их квартиры на первом этаже старого сталинского дома. Необъятно толстая, как переевшая змея, ржавая и страшная, труба протянулась на всю длину тихой зеленой улицы. Никто не знал, почему она лежит не под землей, как ей полагается, а сверху, прямо на газоне. В детстве труба будоражила воображение Инги. То она верила, что в ржавом нутре обитают ужасные чудовища, то мечтала, что по трубе можно попасть в параллельный волшебный мир, то думала, что внутри протекает могучий поток, и, если к нему прикоснуться, можно стать невидимкой или научиться читать чужие мысли.

Однажды, когда ей было лет шесть или семь, Инга, как обычно, влезла на подоконник, чтобы помечтать, глядя на причудливые узоры ржавчины, и обнаружила, что за трубой прячется мальчик в мятой белой рубашонке. Он сидел на корточках, обнимал острые поцарапанные коленки и время от времени осторожно выглядывал из-за трубы. На взлохмаченном белобрисом затылке виднелась резинка от очков.

Инга выпрямилась во весь рост и выглянула в форточку.

– Эй! Мальчик! Мальчик, ты откуда?

Он испуганно обернулся и приложил палец к губам.

---

¹ Доченька моя! (*Исп.*)

² Как дела, моя дорогая девочка? (*Фр.*)

³ *Dio mio!* – Боже мой! (*Ит.*)

– Вот он! Нашли очкарика! – раздались громкие детские голоса, и к трубе высыпали разноцветным подпрыгивающим горошком ребята постарше. – Давай сюда клей!

Мальчик вжался в трубу и еще крепче обнял коленки. Разбойная ватага окружила его плотным кольцом. Инга не могла разглядеть, что они с ним делают, но ей стало страшно и больно, словно это над ней сейчас склонились ухмыляющиеся физиономии, и это она не может вырваться из цепких рук с грязными ногтями. Когда банда разбежалась, Инга вздохнула с облегчением. Мальчик хлюпал носом и теребил порывшийся оторванный рукав рубашонки, а глаза у него стали смешные, как у Мальвины, ярко-голубые и с огромными ресницами – нарисованные на приклеенных к очкам бумажках.

– Мальчик, – снова окрикнула его Инга.

Он стянул резинку, снял очки, болезненно прищурился и подошел к окну, спотыкаясь.

– Мальчик, приходи завтра сюда, к трубе, я тебе кое-что дам.

– Что?

– А ты приходи, тогда узнаешь.

Инга весь вечер что-то вырезала и клеила. Мальчик не виноват, что плохо видит, и дразнить его – гадко и несправедливо. Инга не могла вспомнить, что же такое она сделала для мальчика, но забыть то, что произошло потом, было нельзя. Она точно помнила, что привязала камушек и бросила очкарику свой подарок через форточку, потому что родители не разрешали ей гулять одной. Мальчик подобрал подарок, но не успел как следует разглядеть его.

– Эй, ты! У тебя там невеста, что ли?

Мальчишки высыпали на пяточок перед окном, как прыщи на лице подростка, – неожиданно и неприятно, но неизбежно.

– Тили-тили тесто, жених и невеста! – заверещали звонкие голоса. Инга слезла с подоконника и осторожно выглянула из-за шторки.

– Что это у тебя?

Они принялись вырывать подарок Инги друг у друга из рук, пока один из них не ткнул пальцем в другого и не засмеялся:

– Пацаны, глядите, усы! Ну и рожа!

– На себя посмотри!

Мальчишки показывали друг на друга пальцами и хохотали. Каждая физиономия оказалась разукрашенной – то ли красками, то ли фломастерами. У самого старшего усы вышли роскошные, рыжие, гусарские, на пол-лица. У его дружка помладше – прямые и длинные, с точками на концах, как у мультяшного котенка. Еще один тер смешную козлиную бороденку. Никто не мог понять, когда и откуда взялись на их лицах рисунки. Насмеявшись, они принялись плевать на ладони и оттирать физиономии, но усы, усики и усища намертво въелись в кожу и не поддавались ни на миллиметр. Мальчишки забыли про очкарика, терли лица песком и землей и, в конце концов, чумазые, вымазанные в грязи, понуро разбрелись в стороны, чертыхаясь. Когда пяточок под окном опустел, из-за трубы вылез очкарик, подобрал брошенный подарок Инги и подошел к окну. На его лице сияла шербатая улыбка.

– Девочка! Я знаю, это все ты! Спасибо! – крикнул он.

Потом к ним домой несколько раз приходили чужие родители, говорили, что не будут ругаться, только пусть Инга скажет, чем это нарисовано и как это стереть. Мама пожимала плечами и отвечала, что Инга не имеет к этому никакого отношения, что бы там ни говорил мальчик в очках. Она никогда ни о чем не спрашивала у дочери, но после этого случая из ее стола исчезли цветная бумага, фломастеры, клей, пластилин и ножницы. Мама никогда не покупала ей самоделок из картона и не ругала ее за тройки на уроках труда. Впрочем, у Инги совсем не было времени на кропотливые хобби, танцевальный кружок сменялся теннисной секцией, а вслед за ними теснили друг друга репетитор по английскому и музыкальная школа. Домой она попадала поздно вечером, а после ужина часто устраивалась на подоконнике в темной комнате

и смотрела на трубу. Лишь однажды, перед восьмым марта, Инга уткнулась в мамин фартук и разревелась, потому что все девочки дарили мамам к празднику самодельные подарки, а она совсем ничего не умела. Тогда мама достала клубок толстых белых ниток и крючок, и с тех пор они часто вместе вязали перед телевизором и хором считали петли для парных салфеток. Спроси кто-нибудь у Инги, что такое «счастливое детство», она бы рассказала, как они с мамой спорили, сколько нужно сделать накидов, и как папа учил ее итальянскому, когда она тоже решила стать переводчицей. Ни с одним учителем ей не было так интересно и весело, как с отцом. И от него же она переняла привычку ругаться не по-русски. Он научил ее таким итальянским словам, о которых в университете предпочитают не упоминать.

Мама предлагала поменять квартиру с доплатой на другую, попросторнее и с видом получше, но отец ни в какую не соглашался. «Слишком много воспоминаний», – говорил он. Инга сейчас готова была с ним согласиться. Она бы тоже не стала ее продавать ни за какие деньги. В свое время ей тяжело было начинать самостоятельную жизнь в отдельной квартире. Первое время Инга никак не могла уснуть ночами, скучала по пестрому абажуру, цветочным обоям, взлохмаченному коврику у порога и ненавидела новый шкаф, потому что вещи в нем были не на своих родных местах.

Инге захотелось выключить свет, забраться с ногами на подоконник и представить, что все как раньше. Сейчас зайдет мама, снова будет ругаться, что она сидит в темноте, и позовет на чай с блинами и вареньем, и в комнату вместе с ней влетит облачко сизого блинного дыма. Неужели больше никогда-никогда не будет маминых идеально круглых блинчиков и по-домашнему сладкого клубничного варенья? Вот бы разрешить сейчас себе на секундочку вопреки здравому смыслу поверить, что они живы, и как легко бы сразу стало дышать! Она сглотнула, прогоняя подступивший к горлу комок. Уж чего-чего, а слезу из нее невозможно вышибить даже дубинкой.

Инга стряхнула оцепенение, умылась и тут же оглушила квартиру, уже привыкшую к тишине и покою, бурной деятельностью. Повсюду зажегся свет, забормотал телевизор. Вскоре квартира засверкала чистотой, а вещи узнали, что такое безупречный порядок – когда стаканчики в буфете стоят на одинаковом расстоянии друг от друга, а прихватки и кухонные полотенца выложены как на витрине магазина, хоть телевидение в гости приглашай, снимать передачу «Образцовые домохозяйки».

После уборки Инга включила чайник, но тут же представила, как будет пить чай с засохшими сушками на опустевшей кухне, где висит в углу мамин передник в рыжих пятнах специй, где лежит на подоконнике вечная кипа журналов отца, только никто уже не подойдет и не потреплет по плечу, и взгляд сам собой упал на початую бутылку коньяка на полке. Она сполоснула рюмку и налила до краев. За что же выпить? Родители пропали без вести, не где-нибудь в тайге, а в самом что ни на есть эпицентре цивилизации, на Лазурном Берегу, в Ницце. Прошло четыре месяца, и полиция официально сообщила, что они утонули, а тела унесло в море. Надо бы заказать в церкви заупокойную службу, устроить поминки да заняться переоформлением квартиры. В конце концов, смерть – единственная в жизни штука, с которой Инга согласна смириться, да и то нехотя.

Но с другой стороны, мама не умела плавать и никогда не заходила в воду дальше, чем по пояс, а отец вообще не любил воду, предпочитал лежать на пляже с газетой. Да и май – не самое приятное время для купания. Инга так долго не хотела приходить в их квартиру, словно сам факт ее прихода означал: она поверила, что родители никогда не вернуться. Надо признать: верить, что они живы, – глупо. Так глупо, что от одной мысли начинают разламываться виски, и сводит живот от нестерпимой, как жажда, надежды. Инга подняла рюмку, рука мелко дрожала, губы не слушались. Нет, она не будет их поминать. Ни за что.

– Ваше здоровье, – прошептала она, сделала глоток.

Раздался ехидный звонок. Инга вздрогнула. Мама смеялась: «Наш звонок – как будто чертик хихикает» – а отец отвечал: «Ну да, правильно, возмущается – ну кого там еще черти принесли?» Открыть бы сейчас дверь, а там мама с папой улыбаются: «Мы ключи потеряли».

Но черти принесли усатого рыжего человечка лет пятидесяти, тощего таракана-прусака, один взгляд на которого вызывал смутное отвращение и желание прихлопнуть его тапкой.

– Инга Иннокентьевна? – спросил он с порога.

Она молча кивнула.

– Разрешите войти? Мне нужно поговорить о ваших родителях.

* * *

Вместе с человеком-тараканом в прихожую ворвался резкий запах одеколона. Костюм на нем был явно недешевый и сидел отлично, но желтоватый оттенок галстука никак не подходил к серому пиджаку и уж тем более к чересчур бледному лицу. Инга поморщилась, что-то внутри нее едва уловимо напряглось, как у мышки при виде кота на другой стороне улицы.

– Как здесь стало уютно, когда появились вы. Меня зовут Артур Германович, вот моя визитка, – сообщил он и огляделся по сторонам. – Присядем где-нибудь? У нас будет долгий разговор.

– Только ботинки снимите, пожалуйста, я только что полы вымыла.

Он рассказывал долго, подробно, обстоятельно, один за другим доставал из гладкого кожаного портфеля документы и раскладывал их перед Ингой. Мягкий голос обволакивал, окутывал туманом цифр, от которого раскалывалась голова и путались мысли. Таракан выкладывал сведения с неспешной неотвратимостью, и с каждым его словом Инге все больше и больше становилось не по себе, словно прямо на нее из тумана двигался огромный бульдозер. Она и понятия не имела, что родители задолжали так много денег, да еще этому неприятному типу. Но прямо перед ней лежали расписки, и трудно было не узнать родной почерк.

– Инга Иннокентьевна, поскольку ваши родители официально признаны погибшими, теперь вам придется отвечать за их долги.

Бульдозер все-таки наехал на нее. Во всяком случае, она почувствовала себя изрядно придавленной и не знала, что сказать неприятному гостю. Каким бы противным он ни был, но выглядел ее неожиданный кредитор солидно и убедительно. Вдобавок ко всему от него исходило странное ощущение безысходности. Словно у нее не было выбора, он все уже за нее решил.

– Но, Артур Германович, – произнесла она тихо. – У меня нет таких денег, и вряд ли я их быстро заработаю. Вы знаете, я преподаю итальянский в государственном вузе, у меня небольшая зарплата, а частных учеников немного. Если вы согласитесь на рассрочку, на несколько лет, тогда постепенно, частями, я бы постаралась...

– Инга Иннокентьевна, но ведь вы можете продать эту квартиру. Хотя здесь первый этаж и вид не очень – я слышал, эта труба лежит у вас под окнами не первый год. Но район престижный, сталинский дом, хорошая планировка, я думаю, этой суммы вам как раз хватит рассчитаться с долгами и, возможно даже, еще останется. Впрочем, если вы откажетесь от наследства, в том числе и от квартиры, тогда вам и возвращать ничего не придется.

Инга с изумлением уставилась на собеседника. С таким же успехом он мог бы предложить ей продать собственную руку. Или почку. Пожалуй, она скорее рассталась бы с почкой, чем с этой квартирой, наполненной воспоминаниями, особенно в нынешних обстоятельствах.

– Но Артур Германович, я не могу ее продать.

– Почему?

Инга хотела бы сказать: «Где же будут жить родители, если вернуться?» – но понимала, что это будет выглядеть глупо и наивно.

Она глубоко вздохнула, едва сдержалась, чтобы не поморщиться от едкого запаха одеколона, и ответила:

– По личным обстоятельствам.

– Дорогая моя Инга Иннокентьевна. Вы женщина умная, энергичная, привлекательная, у вас много сил. Давайте договоримся. Вы будете оказывать мне кое-какие услуги, а я прощу вам долг.

– И какие же? Чем же я могу быть вам полезна?

– Те самые услуги, с помощью которых ваша мама обеспечивала семью. Уникальные услуги.

– Что вы имеете в виду? – возмутилась Инга. – Что за намеки? Моя мама – приличная женщина!

– Ничего такого, о чем было бы неприлично говорить вслух. Уникальная авторская работа на заказ.

– Моя мама была бухгалтером. Чего ж тут уникального? А из меня, признаться честно, бухгалтер никакой, я чистый гуманитарий.

– Инга Иннокентьевна, ну уж вы-то должны понимать, о чем я говорю. Давайте начистоту, не будем друг перед другом прикидываться. Вы же не думаете, что ваша мама купила вам отдельную квартиру на зарплату бухгалтера? Кстати, ее тоже можно продать, но вряд ли этих денег хватит, чтобы отдать весь долг.

– Нет, я совершенно не понимаю, о чем вы говорите. Она работает... работала в солидной фирме, у нее была хорошая зарплата.

– Ну что же, – его голос стал жестче. – Тогда вам придется продать квартиру. Или я буду взыскивать с вас долги в судебном порядке. Учтите, у меня есть опыт в таких делах и все необходимые связи, чтобы все завершилось быстро и в мою пользу.

Слова доносились глухо, как если бы Инга с головой накрылась одеялом. Больно, как будто отрывают руку или ногу. Инга поерзала, но боль не утихала. Не укладывалось в голове, что родной дом перестанет для нее существовать вместе с родителями. Когда она узнала об их исчезновении, ей поначалу захотелось все бросить и уехать. Продать обе квартиры, купить крохотный домик в Италии, где-нибудь на берегу теплого моря, и забыть обо всем. Но сейчас она ясно поняла, что не может расстаться с квартирой. И дело тут вовсе не в деньгах. Отдать ее сейчас означает безвозвратно потерять гораздо больше, чем три комнаты на первом этаже с видом на трубу.

Что же теперь делать? Попытаться взять кредит? С ее зарплатой вряд ли дадут столько, сколько нужно. Она потянула себя за мочку уха, и из тумана выплыла ясная, четкая мысль: «Он врет». Конечно же, врет! Зачем родителям могла понадобиться такая огромная сумма? И почему она об этом ничего не знает? Между ними никогда не было тайн. Пронюхал, что у квартиры есть одинокая хозяйка, подделал документы и теперь рассчитывает на ее наивность. Вот мошенник! Родители честно проработали много лет, чтобы получить эту квартиру, столько сил вложили в ремонт и обстановку. А паркет, который они укладывали вдвоем целый год? А кухонная мебель, которую мама сама расписала под хохлому и покрыла лаком? А люстра из богемского стекла, которую отец привез из Чехословакии? Да, в конце концов, Инга привыкла вот к этой трубе за окном! Это же часть ее детства, любимый источник фантазий! И теперь этот Тараканище хочет легким движением руки, обманом, просто так все это заполучить.

При этой мысли Инга подскочила, словно диван под ней загорелся. Туман мигом рассеялся, оцепенение спало. Она встала перед неожиданным посетителем и уперла руки в бока.

– Что вы себе тут позволяете? Артур... как вас там? – Она повысила голос. – Врываетесь в мою квартиру, не даёте мне толком прийти в себя после такого горя, выкладываете какие-то документы, делаете дурацкие намеки. Откуда я знаю, может быть, все это неправда? Родители

никогда мне не говорили, что у них есть долги. Да и зачем им столько денег? Может, мне нужно вызвать милицию и разобраться, не мошенник ли вы случайно?

Сердце стучало неровно, щеки запылали против всякой ее воли. Ну что, уберется он отсюда с извинениями при слове «милиция», как все нормальные мошенники? Артур Германович, и вправду, несколько опешил от внезапного напора, усики растерянно опустились вниз, но уже через полминуты к нему вернулись вкрадчивый голос и снисходительное выражение лица.

– Дорогая моя! Инга Иннокентьевна! Мне совершенно понятны ваши подозрения. Я бы на вашем месте тоже заподозрил неладное, сейчас столько мошенников развелось, особенно квартирных! Я вам оставляю копии всех документов, вы сможете ознакомиться с ними подробно, я не буду вас сильно торопить. К тому же я, признаться, вовсе не хочу лишать вас этой квартиры. Вот если бы вы согласились на пару-тройку услуг...

– Я вам уже ясно и четко сказала, что я не имею ни малейшего понятия, о каких услугах идет речь. Вы что, плохо по-русски понимаете?

– Ну что ж, я дам вам время все как следует проверить, а потом мы с вами поговорим еще раз.

– А сейчас я попрошу вас уйти.

– Конечно-конечно, не смею вас больше отвлекать.

Как только за Тараканом захлопнулась дверь, Инга первым делом открыла настежь окна. Терпеть его запах в родной квартире было так же неприятно, как есть из чужой тарелки.

Может быть, зря она с ним так грубо разговаривала? А что, если все это правда? Если она действительно должна ему кучу денег? С кредиторами как-то не принято разговаривать в таком тоне. Холодный осенний воздух заполнял квартиру, но слабый аромат одеколона еще держался. Инга чихнула и пробормотала про себя: «Кристофоро Коломбо!» (Так любил говорить один ее знакомый итальянец, когда не мог выразить эмоции другими словами.) Неважно, правду этот тип говорит или нет, но заискивать перед ним она не будет. Нельзя унижаться перед человеком, который носит желтый галстук и от которого так пахнет.

Инга бродила по комнатам, пока не остановилась перед зеркалом. Как похожа она сейчас на свою мать! Та же высокая, полная грудь, те же яркие черные волосы, тот же тип фигуры. Пусть весы показывают немного выше нормы, но кожа гладкая и упругая, без единой складки и растяжки, и все лишние килограммы распределены как раз в тех самых местах, которые притягивают мужские взгляды. «Кровь с молоком», – говорили про таких раньше. Она потрепала мочку уха, совсем как мама, когда задумывалась. Инга каждый раз удивлялась, когда узнавала в собственном жесте знакомое, родное движение. Вот мама никогда не сидела без дела. Хватит тратить время без толку. Выход существует, и она найдет его даже в пасти у крокодила. Ух и попляшет у нее этот рыжий Тараканишка!

Инга зарядила кофемашину, открыла шкафчик и потянулась за чашкой. Взгляд сам собой упал на любимую папину кружку. Отец ужасно злился, когда мама брала ее, чтобы отмерить муки для теста, а мама всегда говорила, что это самая точная кружка для лучшего теста в мире. Инга вздохнула, захлопнула дверцу, налила себе кофе и вернулась в комнату. Нечего отвлекаться. Она включила компьютер и разложила перед собой документы. Переночует здесь, чтобы не тратить время на дорогу. Впереди целая ночь, к утру план взятия Бастилии будет готов, или она не дочь своих родителей.

* * *

Все, что с нами происходит, уже когда-то было. Значит, Софья уже переступала этот порог однажды. Но, боже мой, как же хочется, чтобы этого дня никогда не было и чтобы нико-

гда смешной лысый человечек, похожий на Шалтая-Болтая, не произносил отвратительных слов:

– Добро пожаловать в наш коллектив!

Софья стояла посреди огромной комнаты, со всех сторон тихо жужжали, стрекотали и шипели, словно гигантские насекомые, непонятные машины. Спасибо, милый папочка, удружил. Конечно, «начальник отдела выпуска документации» звучит потрясающе, просто увлекательно, и Софья была готова справиться с парочкой настольных ксероксов, но таких монстров ей в жизни видеть не приходилось. Кролик, случайно запертый в клетке с волками, и то ощущает больше уверенности в себе.

«Многие люди на твоём месте были бы счастливы», – сказала себе Софья. Но легче не стало. Мир разделился на «до» и «после». Еще вчера она бежала на любимую работу в предвкушении удовольствия, как ребенок – навстречу связке разноцветных воздушных шариков, а сегодня, на новом месте, ей будто всучили заплесневелую корку хлеба, черствую и дурнопахнущую, и еще заставляют съесть.

Она прижимала к себе сумочку, ей стало нестерпимо жарко, но она никак не могла сообщить, куда ей присесть и где повесить куртку. Директор, Шалтай-Болтай (она так и не запомнила его имени-отчества), представил ее коллегам и ушел в свой кабинет, а она осталась стоять посередине комнаты, не зная, с чего начать.

Отец бы сказал, что надо включиться в рабочий процесс, сразу разобраться, что к чему, с ходу выдать парочку распоряжений – в общем, вести себя как положено начальнику. Но она никак не могла совладать с собой, воспоминания прошлой недели настойчиво заслоняли унылую картинку перед глазами, в которую не хотелось верить, как в дурной сон. И дело было даже не в том, что она боялась не справиться с новыми обязанностями.

Софья стояла и смотрела, как из монстра появляется сложный чертеж – пересечение путаных линий, и вспоминала веселую бумагу с нарисованными клоунами, свою любимую. На прошлой неделе она заворачивала в нее коробку с игрушечным автомобилем, а молодой отец требовал самый большой синий бант, потому что «сын так любит», и Софья всем телом чувствовала солнечную волну радости. Она выбирала бант и представляла себе, как хохочет розовощекий карапуз. Потом совсем юный паренек покупал у нее коробку в виде сердечка и открытку. Она хихикала про себя, глядя, как дрожат неловкие пальцы, не могут отыскать в кошельке нужную купюру. Паренек светился чистой, трогательной нежностью, и чудилось, что где-то рядом по-весеннему щебечут птицы. Нет, это не просто гормоны играют, он и вправду влюблен. Паренек покраснел и забормотал, что ему не хватает денег, совсем чуть-чуть. Тогда Софья подмигнула ему и выложила десятку из своего кармана. Это особенный покупатель, она сразу почувствовала. Ей нравилось представлять, как девочка возьмет из дрожащих пальцев, быть может, первый в ее жизни подарок от влюбленного. Чьи-то руки будут гладить ту же самую шершавую картонную поверхность, кто-то вдохнет запах свежей бумаги и улыбнется.

Софья не могла объяснить, почему ей так нравится возиться с разноцветной бумагой, ножницами, ленточками и украшениями. Наверное, это ненормально, но она готова была заниматься этим сутки напролет. В глубине души она верила, что понятное, логическое объяснение этому все же есть, и возможно, оно кроется в мятой, потрепанной фотокарточке, с которой она никогда не расставалась. На фотографии, снятой полароидом, можно было разобрать только две фигуры – маленькую Софью, еще дошкольницу, в белом платье и с бантиками, и взрослого человека, ни лица, ни одежды которого нельзя было различить – слишком нечетко, расплывчато. Остальное и вовсе сливалось в сплошной бурый фон.

Работа с картоном и бумагой и смутные силуэты на старом фото рождали у Софьи удивительно похожие ощущения. Все, что было в ней такого, из-за чего люди иногда крутили пальцами у виска, все, про что она не могла с облегчением сказать: «Со всеми бывает» – отдавалось

внутри нее одной и той же нотой – самой родной на свете, той, что спрятана глубоко внутри и не имеет названия.

Иногда, когда Софья заворачивала в праздничную упаковку чужие пожелания, между ней и покупателем рождалось на миг волшебное созвучие, как если бы оба они были струнами и звучали на общей ноте. В это редкое мгновение резонанса все ее существо до самых кончиков пальцев наполняло теплое, звонкое эхо. Она могла бы сказать, что счастлива в эти минуты, но боялась дать название своему состоянию, чтобы не разрушить его тонкую, волшебную ткань. Только звала про себя таких покупателей «особенными».

И что будоражило ее больше всего – фотокарточка откликалась на ее сиюминутное счастье, как живая. Каждый раз Софья доставала фотографию и убеждалась: силуэты стали четче, яснее, проступают новые контуры вокруг двух фигурок в центре. Когда случалось испытать это состояние дважды за день, лицо взрослого рядом с маленькой Софьей начинало приобретать очертания – странные, гротескные, как будто он был уродом или носил маску. Иногда она надеялась, что однажды увидит в нем кого-то родного и близкого, а иногда боялась его узнать. Она часами разглядывала карточку, но приходил следующий день, пустой и скучный, и черты его снова мутнели и расплывались.

Именно ради этого она каждый день бежала на работу в нетерпеливом ожидании – вдруг сегодня это опять случится? Вдруг сегодня это случится не один раз, и она наконец-то разглядит, а может быть, и узнает человека без лица? В отделе упаковки подарков у нее была не только любимая работа – там она могла бы разгадать тайну фотографии. А здесь, в этом офисе?

Софья огляделась по сторонам. Все делали вид, что ужасно заняты, уткнулись в мониторы, перебирали документы или подкладывали еду-бумагу печатающим монстрам. Но Софья чувствовала интерес к себе каждой клеточкой тела, острые взгляды впивались в спину, кажется, они желали просветить ее насквозь, как рентгеновским аппаратом. Нет, она здесь не кролик, скорее пингвин в стае любопытных обезьян. Еще и веснушчатый пингвин, ко всему прочему!

Ей невыносимо захотелось спрятаться, забиться в какой-нибудь угол. Наверное, ей тут полагается собственный кабинет? У кого бы спросить? За компьютером возле окна сидела крашеная блондинка в стильном деловом костюме. Чуть грубоватые черты лица сглаживал удачный макияж. Пальцы с длинными красными ногтями стучали по клавишам, отбивали вялый ритм, неестественный румянец на щеках напоминал безвкусные глянцевые яблоки в супермаркете. Было в ней что-то неприятное, словно внутри у нее пряталась склизкая гусеница. Не акула, а, скорее, барракуда – из тех, что тихо поджидает в засаде, а потом как выскочит, и хват за ногу.

– Ну что вы стоите, как истукан? – обернулась Барракуда. – Принимайте дела. Я вам сейчас все передам.

Голос у нее был низкий, грудной и при других обстоятельствах мог бы показаться приятным.

– Какие дела? – Софья вздрогнула и попятилась.

– Которые должен вести начальник отдела. Я сейчас принесу из архива инструкции.

Барракуда поднялась и вышла, так же неспешно стуча каблуками, как только что отбивала ритм на клавиатуре.

Как только за ней закрылась дверь, из-за дальнего стола поднялся вертлявый субъект в пиджаке и персиковой рубашке. На смуглом, по-деревенски здоровом лице энергично торчали маленькие усики, несколько черных прядей сбились на макушке в непослушный хохолок. Пока он пробирался между машинами, Софье привиделся сочный сельский пейзаж, пятнистая корова с огромными губами и блестящий черный жук на широком листе лопуха. Она часто видела людей именно так – отстраненными картинками, но уже давно никому об этом не рассказывала.

– Здравствуйте! Фанис, – представился субъект и протянул ей крепкую широкую ладонь.

Софья отмахнулась от наваждения и ответила на рукопожатие. Едва сдержалась, чтобы не поморщиться, – от него исходил резкий, тяжелый запах одеколона, на воротнике снежинками осели крупинки перхоти. Рука оказалась теплая и приятная, Софья немного расслабилась и уставилась на ботинки Фаниса с расплюснутыми, чуть загнутыми кверху носами. Пряжка, с которой уже начала облезать металлическая краска, выдавала настоящую цену «модных» ботинок.

– Вы уж не обижайтесь на Ванду, ее можно понять, – сказал Фанис.

– Почему?

– Ну так до вас она была начальником отдела. Она тут все ногти пообломала, пока доби-
лась этой должности, успела проработать полгода. Но директор решил, что теперь начальни-
ком будете вы.

– А она?

– Ванда теперь снова ведущий инженер.

Софья беспомощно оглянулась. Черт, куда бы сесть, это уже невыносимо, все время тор-
чать посреди комнаты!

– Где мое рабочее место? – спросила она у Фаниса. Собственный голос оказался неожиданно напряженным, и она глубоко и медленно вздохнула.

– Айда сюда, – он провел ее к столу, прятавшемуся за огромной машиной. – Тут самый тихий уголок, полный ништяк. Правда, мы тут убратся не успели, но вы, наверное, сами устрой-
итесь. Компьютер вам завтра принесут, сегодня не готов еще.

– А вы чем занимаетесь?

– Технический специалист. Слежу тут за оборудованием. Софья наконец-то уселась, сняла куртку и повесила на спинку стула.

– Сколько еще сотрудников в отделе?

– Еще нормоконтролер, Лиля, но она сегодня отгул взяла. И наши Олечка и Валечка, операторы. Девочки, познакомьтесь с новой начальницей.

Две девушки в одинаковых джинсовых комбинезонах и симметричных рыжих кудряшках на секунду оторвались от машин и молча глянули на Софью. На миг ей показалось, что в глазах у нее двоится.

– Ага, они у нас близняшки. А что вы такая напряженная? Может, массаж вам сделать, расслабитесь?

Софья вздрогнула и отшатнулась от него. Это еще как понимать? Что за намеки? Фанис пожал плечами:

– Ну, как хотите. Вообще-то, у меня работы полно, но, если что, спрашивайте, не стесняйтесь.

Врет, ни черта он не делает. Спроси Софью кто-нибудь, как она определяет, врет человек или нет, она бы и сама не могла ответить. Но при этом всякий раз холодили кончики пальцев, как сейчас, а при очень наглом вранье ее мучительно подташнивало. Она потеряла ладони и сказала:

– Спасибо.

Стол, старый, еще советских времен, криво распахнул перед ней дверцу внутреннего отделения. Кипа желтых чертежей сверху пахла бумажной пылью, под столом валялся засох-
ший яблочный огрызок. Софья чихнула, и ее слегка затошнило. Она повертела в руках сумочку, но поставить ее на стол не решилась.

Комната выпуска документации располагалась в цокольном этаже, и маленькие окошки под самым потолком были закрыты решетками. Глаза с непривычки слепили холодные лампы дневного света, одна из которых, над самой головой, нервно трещала. В ближайшее окно с

любопытством заглядывал желтый осенний листок, сочувственно кивал с каждым порывом ветра.

Софья схватилась за стул и прикусила губу. Да, ей стыдно, она уже взрослая, но ей невыносимо хочется сбежать отсюда, как в детстве она сбегала из летнего лагеря. Но папочка решил, что дочь должна делать карьеру в солидном учреждении, а работа продавца в отделе упаковки – позор для семьи и к тому же не имеет никаких перспектив. Софья не могла отказаться. У нее было как минимум две причины, и обе приковывали ее к пыльному столу и стрекочущим машинам крепче любых оков. Шалтай-Болтай, конечно, был рад угодить отцу, большому боссу и полезному знакомому, и сразу же сделал ее начальником. Лучше даже не думать, что будет, если она не справится.

Софья вздохнула, поднялась и поставила сумочку на стул. Она освободила стол от мусора и огляделась в поисках тряпки. Возле стола Ванды распластал мясистые зеленые лапы огромный цветок. Софья не удержалась и потрогала пальцем толстый лист – надо же, выглядит как пластмассовый, а такой приятный на ощупь, почти теплый.

– Не трогайте! – раздался окрик за спиной. – Кто вам разрешил трогать мой цветок?

Софья вздрогнула и отошла к своему месту.

– Извините, пожалуйста.

Ванда прошествовала за ней. Стук ее каблучков отдавался в голове Софьи болезненными ударами. Тук-тук-тук... как гвозди забивает, неспешно, размеренно, прицеливаясь. Софья сжалась в комок и присела на краешек стула.

– Инструкция по оформлению проектной документации. Правила оформления накладных. Должностная инструкция начальника отдела. Должностные инструкции инженеров и операторов. Положение об отделе выпуска документации, – чеканила Ванда без остановки, выкладывая перед Софьей все новые и новые увесистые тома. – Все инструкции вы должны знать наизусть, скоро у нас будет проверка. И я вас очень попрошу не трогать мои вещи!

Софья хотела было возразить, но тут распахнулась дверь, и в комнату въехал самосвал. То есть на самом деле влетел взъерошенный краснолицый тип, но она почувствовала себя как на стройке, когда вот-вот прямо перед носом начнут сгружать груды камней, а у нее даже нет каски.

– Сегодня выпускаем сто сорок девятый-У! – скороговоркой прокричал он. – Завтра надо отправить в аэропорт к утреннему рейсу, там десять томов, мне нужно три экземпляра. Ванда, твоим девочкам придется задержаться, заказчик уже весь на нервах.

– Извини, Тимофей, но теперь это уже не мои девочки. Знакомься, новый начальник отдела выпуска.

– Меня зовут Софья... Софья Павловна, – робко представилась она. – Но я еще не вошла в курс дела. Ванда, может быть, вы...

– Ну, у вас же достаточно квалификации, и вы, конечно, работали раньше в проектной организации, а значит, справитесь. Иначе что бы вы тогда здесь делали, на месте начальника? – Ванда метала крохотные молнии.

Самосвал перебил ее и повернулся к Софье:

– Раз вы начальник, с вас и буду спрашивать. Три экземпляра, оригиналы заберете в моем отделе. Черт знает что творится в этой конторе! И так вечно выпуск срываем, и тут нате вам, новости. Нашли время начальника менять, когда проекты горят.

Он вышел и хлопнул дверью.

– Если сорвете сдачу проекта, половина сотрудников не получит премии, – сообщила Ванда и вернулась на свое место.

– Валя, Оля, – попросила Софья. – Вы займетесь этой работой?

Одна из девушек неохотно отвлеклась от машины.

– Вам нужно взять у Пчелкина заявку и оформить накладную. И Оля сегодня не может задержаться, у нее важные дела.

– Фанис! – позвала она. – Фанис, вы сможете остаться после работы?

– Я специалист по технике, – откликнулся он со своего места. – В мои обязанности не входит размножение документов. Но я вам дам бесплатный совет – закажите еще бумаги на складе, вам наверняка не хватит.

– Я одна не справлюсь, – сказала Валя. – Хотите, чтобы я тут до утра торчала?

– Хорошо, я помогу вам сама. Вы покажете мне, что нужно делать? – добавила Софья тихо, стараясь, чтобы не услышала Ванда. – Это ведь не сложно?

Валя молча кивнула.

– Работать на ксероксе умеют даже школьники. – Барракуда все-таки услышала ее.

Отец бы сказал, что нужно проявить жесткость и заставить всех работать. Но как можно руководить людьми, если на глаза от обиды наворачиваются слезы? Они все здесь или врут, или ненавидят ее, все до единого, ни одной близкой нотки, только чужая, ржавая мелодия, просто уши хочется заткнуть. И от этого холод сковывает тело, слова застревают в горле, и камнем давит ощущение бессмысленности – зачем она здесь?

Когда жить становилось невыносимо, Софья мысленно возводила вокруг себя скорлупу, внутри которой ей было спокойно, что бы ни происходило вокруг. Сквозь прочную оболочку не пробивались обида и боль, в ее обволакивающей тишине не было места ни радости, ни родной ноте. Мир становился бесцветным, она видела его сквозь плотную завесу, и ощущения притуплялись, как после приема успокоительного, но так можно было жить, и тянуть время, и заставлять один час перетекать в другой.

Софья полдня ходила по коридорам офиса, собирала какие-то бумажки. Воздух в помещениях института был плотным и вязким, как кисель, сквозь него приходилось продираться, как и сквозь мутные, усталые взгляды сотрудников. Софью все время подташнивало. Ей мучительно хотелось вдохнуть свежести, выйти на крыльцо хоть на пять минут, но она боялась не успеть, сорвать выпуск проекта, и, чем больше боялась, тем больше путалась, и тем медленнее шло дело. Ровно в шесть часов, как только окончился рабочий день, Ванда надела резиновые перчатки, достала маленькую лопатку и принялась окучивать цветок с видом заправского садовода.

«Барракуда-землеройка. Интересно, сколько трупов она мечтает зарыть под этим цветком?» – думала Софья, с трудом подтаскивая к плоттеру тяжеленный рулон бумаги. Конец рулона никак не хотел заправляться. Наконец она нажала кнопку, монстр зашуршал и потянул бумагу на себя, но тут же замигал красной лампочкой и жалобно запищал.

– Бедненький, я тебя обидела? – спросила Софья. – Ничего, сейчас мы все исправим. Фанис!

Он подошел, понажимал несколько кнопок, открыл крышку, поглядел и развел руками.

– Йоханый бабай, ну вы натворили делов... я тут ничего не сделаю, надо специалиста вызывать, из сервис-центра.

– Вы сломали плоттер. Это очень дорогое оборудование, ремонт влетит в копеечку, – вставила Ванда.

– Софья... Софья Павловна, вы лучше не трогайте технику, я сама, – сказала Валя. – Лучше вы складывайте чертежи и проверяйте комплекты, а размножением я сама займусь.

– Да, пожалуй, так будет лучше, – согласилась Софья.

– Можете пока чашки помыть, а то мне некогда. – Валя махнула рукой на гору посуды, оставшуюся после чаепития.

Софья молча подхватила поднос с посудой и тут же поняла, что совершила ошибку. Вот она проходит мимо Валечки и Олечки с подносом и каждой клеточкой своего тела ощущает, как меняется нечто важное и неуловимое, как перетекает настроенное любопытство в снис-

ходительное терпение, как уплывает последняя надежда стать начальником, которого готовы уважать и слушаться. Слезы снова навернулись на глаза.

Когда она проходила мимо Ванды, у нее в ушах мягко прошелестело:

– Суууучка...

– Вы что-то сказали? – с трудом выдавила Софья.

– Ничего, – ответила Ванда. – Надеюсь, хотя бы посуду мыть вы умеете?

Тщательно возведенная скорлупа треснула под едким напором, вот-вот хлынут наружу слезы. Только не при ней, только бы не разреветься при ней. Софья отвернулась и вышла. Она долго терла под холодной водой чашки, слезы ручьем текли в грязную раковину, и больше всего она боялась, что кто-нибудь сейчас ее увидит, новую начальницу отдела, с ревом отмывающую чашки своих подчиненных.

Дома папочка будет поздравлять с первым рабочим днем. Интересно, это будет последняя попытка на сегодня?

* * *

Говорят, счастье – это когда утром хочется идти на работу, а вечером – домой. А как называется, если и на работу, и домой – все равно что из одной тюрьмы в другую? Жизнь у Софьи теперь как у рыбки в аквариуме – ограничена со всех сторон, куда ни плыви, ткнешься носом в прочное стекло.

Входная дверь с авторским витражом в стерильном подъезде элитного дома – еще один повод сказать: «На твоём месте многие люди были бы счастливы», – но Софья только тяжело вздохнула и нажала кнопку звонка. «Динь-дон», – отозвался тот, и сразу же дверь открылась: ее ждали.

– Пал Палыч! Дочь пришла. – Мама, как всегда аккуратная, подтянутая, до ужаса безупречная, протягивала ей тапочки.

– Ну что, как прошёл первый рабочий день? Что-то ты поздно, отмечала, что ли? – Из кабинета появился отец.

Сегодня он явно был в духе, судя по тому, что в руках у него был кроссворд, а позволял он себе это очень, очень редко. Куда чаще можно было его увидеть с деловым журналом или увесистой книгой. Вон, лысина светится, как луна в безоблачную погоду.

Сейчас еще не поздно сказать: я не справилась, я не сумею. Тогда больше не придется возвращаться в серый офис, ловить волну презрения, слушать бессмысленные разговоры. Только у отца сразу найдется один аргумент, который перевешивает все на свете. Значит, нужно во что бы то ни стало убедить его: новая работа ей нравится.

– Все хорошо, – Софья выдавила улыбку. – Много работы было, пришлось задержаться.

– Что поделаешь, серьезная работа всегда много времени отнимает. Ну уж небось поинтереснее, чем коробки-то заворачивать?

– Куда уж интереснее, – вздохнула Софья, опустила голову, не в силах сдержать саркастическую улыбку, и засунула ноги в тапочки.

– У нас сегодня праздничный ужин, – сообщила мама. – Важные события в жизни семьи надо обязательно отмечать особенным ужином.

Мама уже пять лет писала книгу о правилах семейной жизни и цитировала ее при каждом удобном и неудобном случае. «Библия идеальной жены» – так она сама называла свое произведение, а Софья про себя звала его «Энциклопедия домашней рабыни». Она б еще продолжение написала, про воспитание детей: «Тысяча способов свести с ума родную дочь».

У Софьи совсем не было аппетита, но она покорно поплелась на кухню. Ей не терпелось забраться к себе в мансарду. Просторная квартира на верхнем этаже элитного дома с первого дня переезда не вызывала у нее ничего, кроме отвращения. Вряд ли на свете найдутся дру-

гие люди, способные годами поддерживать интерьер в точно таком же виде, как его задумал дизайнер. Не дом, а мертвая картинка из глянцевого журнала: у каждой табуретки и вазочки свое место, новую картинку на стене труднее себе представить, чем дверь на потолке. В каком еще жилище увидишь девственно-чистую дверцу холодильника, без единого магнитика? Во всем доме, кроме своей мансарды, Софья чувствовала себя как в музее: смотреть можно, но руками лучше не трогать.

– Соня, ты куда? У нас же праздничный ужин, я накрыла в гостиной, – окликнула ее мать.

– Мам, ну сколько раз я тебя просила, пожалуйста, не называй меня Соней! Ты же знаешь, я терпеть этого не могу.

– Ну ладно, ладно. Иди за стол, мы с отцом уже проголодались.

Софья уселась за стол и в очередной раз поклялась себе, что, когда будет жить отдельно, в ее доме не будет ни одной накрахмаленной кружевной салфетки, ни одной хрустальной вазочки, ни одного графина, никаких фруктовниц и салфетниц. И уж конечно, ни одного буфета, чтобы там все это расставить, как на выставке достижений кухонно-столового хозяйства.

Официальная церемония праздничного ужина началась, как полагается, торжественно и неспешно. Папа произнес тост «за деловые успехи Софьи Павловны» и разлил по бокалам вино, мама разложила по тарелкам салат с ананасами, а Софье то и дело мерещился лакей за спиной. Она вяло перебирала салат вилкой.

– У тебя красные глаза, ты хорошо себя чувствуешь? – спросила мама.

– Устала с непривычки.

– Ну что ты опять ковыряешься в еде! Разве ты сможешь нормально работать, если совсем ничего не ешь. Посмотри на себя, такую тощую селедку никто замуж не возьмет! – Отец ткнул в ее сторону вилкой, и Софья болезненно вздрогнула, словно вилка и вправду воткнулась ей под ребро.

Мама закусила губу и протянула Софье тарелку с ветчиной. Отец посмотрел выразительно, и Софья послушно подцепила вилкой самый маленький кусочек, засунула в рот и принялась старательно жевать. Она терпеть не могла мясо, но сейчас съела бы и сырую свинину, только бы он не узнал, как на самом деле обстоят дела на новой работе. Лишь бы не сорваться, главное, не начинать с ним спорить. Она проглотила ветчину, но в горле застрял комок.

– Все врачи говорят, животный белок необходим организму, особенно такому молодому, как твой, – поучительно произнес отец. – Для мозгов полезно.

Софья с тоской посмотрела на своего единственного союзника – фарфорового негритенка. Обладатель жемчужных бус, пухлых ярко-красных губ и зеленой набедренной повязки, негритенок занимал добрую половину журнального столика, махал всем кривой ручкой и кокетливо отводил ножку в неизвестном танце. Это произведение китайского искусства подарили отцу на работе по случаю юбилея. Мама категорически не желала видеть в доме «эту жуткую безвкусицу», но отец настоял: «А вдруг кто-то из коллег заглянет в гости, неудобно ведь?» Негритенок единственный вносил в гостиную живую нотку, из-за него родители тоже частенько ругались, и потому Софья чувствовала его почти что своим другом.

Отец сложил вилку с ножом на тарелке, мама поспешно подхватила ее и понесла на кухню. Он откинулся на спинку стула, вытер уголки рта салфеткой, довольно улыбнулся и спросил:

– Ну, как прошел первый рабочий день? Расскажи поподробнее, как тебе сотрудники, что было интересного?

– Папа, извини, я сегодня очень устала, пойду к себе.

– Мне не нравится, как ты выглядишь.

Софья выпрямила спину и потянулась к тарелке с ветчиной:

– Я, пожалуй, возьму еще кусочек, такая вкуснятина.

- Что-нибудь не так? – настаивал отец. – Ты справляешься с работой? Проблем нет?
- Все в порядке. Просто устала.

Отец вдруг стукнул кулаком по столу, да так, что тарелки подпрыгнули, Софья привычно вжалась в стул, по коже побежали мурашки.

– Главное, с первого дня правильно расставить все точки над «и»! Чтоб каждый знал свое место. Соблюдай дистанцию, требуй, чтобы тебя звали только по имени и отчеству, и коллеги, и подчиненные. Тебе дали отдельный кабинет?

Софья поковыряла вилкой в салате, потом промямила:

– У них там нет отдельных кабинетов, – и тут же громко добавила: – Но меня посадили за самый лучший стол, откуда я всех могу видеть.

– И все-таки у тебя несчастный вид. В пятницу позвоню вашему директору, узнаю, как ты там справляешься.

Софья поперхнулась, закашлялась так, что из глаз выступили слезы.

– Вечно торопишься за едой, – проворчал отец.

Она вдруг подумала, что отец и офис – одинаковые по ощущениям. Принадлежат друг другу, как две стороны одной монеты. Что с решки, что с орла, а все одно и то же – холодный на ощупь металл.

– Бери горячее. – Мама пристраивала на столе блюдо с курицей и картошкой.

– Нет, спасибо, ма. Я уже наелась. Попью чаю у себя, наверху.

– Не понимаю, как ты можешь жить посреди этого склада барахла... – донеслось вслед, когда она уже поднималась наверх.

Если всю остальную квартиру Софья от души ненавидела, то свою мансарду с такой же силой любила. То, что для отца было «помойкой, складом барахла и старого хлама», а для матери – «настоящим свиноматкой», для Софьи превращалось в уютную нору, куда она могла провалиться, как Алиса в Страну чудес. Иногда ей казалось, что это совсем отдельное, независимое жилище, дом в доме, куда никто, кроме нее, не имеет права зайти. И в самом деле, родители заглядывали наверх редко, уж слишком не нравилась им обстановка в комнате.

Одна стена мансарды представляла собой огромное окно, от пола и до потолка, в нижней части огражденное кованой решеткой. Из окна всегда чуточку дуло, и поэтому в комнате чувствовалась атмосфера города, который открывался отсюда как на ладони. Еще одну стену сверху донизу занимал стеллаж. На нижних полках расположились старые пластинки, которые отец собирался продать коллекционерам, но Софья с трудом отвоевала. Слушать их было не на чем, но она любила перебирать пыльные обложки, вдыхать запах старых вечеринок и чужих первых поцелуев. Верхние полки сплошь были заставлены банками из-под конфет и печенья со сценками из старинной жизни. Софья могла часами разглядывать свою коллекцию, и фантазия уводила ее далеко на вымышленные жестяные улицы. А еще на полках были книги, старые, с желтыми страницами, и совсем новые, пахнувшие свежей типографской краской, пыльные журналы бог знает каких годов, музыкальные диски и коллекционные DVD с фильмами. Ей достаточно было подойти и дотронуться до цветного корешка, и тут же рождалось волшебное чувство соприкосновения с выдуманным миром. И тогда реальность вокруг растворялась, исчезала, рассыпалась в мелкую пыль.

У Софьи была «приличная спальня» внизу, с большой кроватью, горой подушек, туалетным столиком и просторной удобной ванной. Но она часто ночевала в мансарде, свернувшись калачиком под уютным клетчатым пледом, а вниз спускалась только утром, чтобы одеться, привести себя в порядок и замазать вечно проступающие веснушки. Перед сном она любила разглядывать крыши и теплый желтый свет в окнах. Иногда она доставала подзорную трубу и наблюдала за жителями соседних домов. Люди на верхних этажах не прятали свою жизнь за шторами. Софье нравилось озвучивать немые сценки, придумывать, что они говорят друг другу, а особенно она любила смотреть, как в новенькой многоэтажке напротив делают ремонт,

и из безликих серых стен рождаются уютные гнездышки. Иногда она завидовала новоселам и тогда подходила к окну и опускала жалюзи. Жаль, но звезд над ярко освещенным городом не было видно даже отсюда.

Наверху она первым делом вытащила из сумочки фотографию. Софья никогда не доставала ее при людях, только наедине, когда была уверена, что никто не видит. Она очень берегла снимок – единственное осязаемое свидетельство того иррационального, что с ней происходило. Целый день она ждала возможности глянуть на фото, теперь же сердце колотилось в беспокойном ритме. Может быть, не все так уж плохо? Увы, оправдались худшие ожидания. Бурая мгла на карточке заползла на обе фигурки, лицо незнакомца расплылось бесформенным пятном. Такое часто бывало после ссор с отцом, но прежде фотография не мутнела настолько сильно. Хуже было только один раз – после клиники Аркадия Петровича. Тогда она боялась, что снимок больше не восстановит.

Некоторым родителям при рождении ребенка выдаются невидимые нити, привязанные к самым больным его местам. Каждый раз, когда отца не было рядом, Софья придумывала целую речь. Она собиралась наконец-то сказать ему, что она уже совсем взрослая, ей уже двадцать два, она хочет жить сама по себе, и он не должен все время вмешиваться в ее жизнь. Да, она его любит, но это не означает, что она должна во всем его слушаться. И каждый раз, когда отец был рядом, отнимался язык, вылетали из головы все слова, а нос готов был обиженно сморщиться, как в детстве, когда она получала выволочку за то, что кладет локти на стол, и оставалась без ужина. И он продолжал дергать за невидимые ниточки свою дочь-марионетку. Потянул один раз – острый спазм сводит горло, и она покорно несет документы в аспирантуру ненавистного университета. Дернул еще раз, и она увольняется с любимой работы. Можно ли разорвать эти нити, такие крепкие и прочные? Да еще если они связывают тебя с человеком, в присутствии которого робеют уборщицы и милиционеры.

Однажды она чудом набралась смелости и ушла из дома, сняла комнатку, но вскоре вернулась обратно, едва глотнув свежего воздуха. Инфаркт отца оказался самой надежной цепью, которая приковывала ее к дому. «Все из-за тебя. Папу надо беречь», – сказала ей тогда мама, и она была права. Нельзя быть свободной, если над тобой висит чувство вины размером с девятиэтажку.

Мансарда хранила в себе маленький секрет. Через вентиляционное отверстие было отлично слышно все, что происходит внизу, в гостиной. Когда Софье не хотелось никого слышать, она придвигала к стене тумбочку или включала музыку. Но сейчас, наоборот, она прильнула ухом к вентиляции.

– Мне не нравится, как она выглядит и как она ведет себя, – недовольным тоном произнес отец.

Мама что-то сказала в ответ, но так тихо, что Софья не расслышала.

– Я бы очень этого не хотел, но придется, наверное, опять обратиться к Аркадию Петровичу. Ты же знаешь, у нее с детства не все в порядке с головой.

Софья почувствовала, как леденеют пальцы, превращаются в мертвые сосульки, перестают ее слушаться.

Мама снова неразборчиво ответила, и отец нехотя согласился:

– Ну хорошо, хорошо, подождем еще, пусть привыкнет. Но если она опять бросит личную работу... Ладно, закончим с этим, сейчас новости будут.

Софья вздохнула с облегчением. Включился телевизор, и она задвинула тумбочку, чтобы не слышать озабоченный голос диктора. Софья ненавидела отцовское «новостепоклонничество», как она это называла про себя. Можно подумать, мир рухнет, если он пропустит хотя бы один выпуск новостей. Возможно, так оно и случится, до сих пор он не пропускал ни одного вечернего выпуска, даже когда умерла бабушка. В святое время просмотра новостей непро-

стительным грехом считался любой шум, все ходили на цыпочках и разговаривали шепотом, включая гостей, если вдруг они были в доме.

Но сейчас Софья думала не об этом. Она вспоминала глянцевый, лоснящийся кабинет Аркадия Петровича, колючее слово «психотерапевт» и холодные шупальца, которые пробирались в самую ее глубину, отбирали драгоценное тепло, перекрашивали мир в странные цвета.

Может быть, отцу не пришлось бы в голову отправлять ее лечиться, если бы не тот случай из детства. Счастливое детское воспоминание превратилось в черную дыру, сквозь которую в ее жизнь много лет спустя ворвался кошмар.

– Папа, пойдем на качели! Мы вчера были там с мамой, я еще хочу! – позвала однажды маленькая Софья отца.

– А где это?

– Там, – уверенно сказала она и повела его на знакомую улицу.

Она ясно помнила, как взлетали вверх, до самых облаков, лодочки-качели. Когда они опускались, каждый раз в разном месте, она видела то жирафов и слонов, гуляющих в саванне, то сочные зеленые джунгли, опутанные лианами, то бескрайнее море в барашках волн, и каждый раз дух захватывало от восторга. Она тащила отца за руку взад и вперед по улице, но никаких лодочек и в помине не было – только машины, магазины, спешащие по делам прохожие.

– Пап, здесь были качели. Я точно помню.

– Тебе приснилось, наверное. В нашем квартале никогда не было аттракционов. Может быть, ты по телевизору увидела?

Каждый день она просила отца или мать отвести ее покататься на качелях. Она целыми днями вырезала лодочки из цветной бумаги и наклеивала на картон. Больше всего на свете ей хотелось снова оказаться там, где все вокруг чудесным образом меняется каждые две минуты. Она знала, что такое воображаемый мир, это как в увлекательной книжке или сказочном фильме, она понимала, как отличить выдуманную жизнь от настоящей. Но мир с качелями не был воображаемым, он просто потерялся, бесследно исчез, и она больше всего на свете мечтала снова его найти. У Софьи пропал аппетит, она перестала играть с игрушками. Отец тогда показывал ее нескольким специалистам, психиатрам и детским психологам. «Просто очень впечатлительная, чувствительная девочка», – вот и все, что они сказали. Потом она пошла в школу, и вместе с новыми хлопотами качели как-то подзабылись.

Может быть, с тех самых пор у нее появилась эта странная фотография? Софья точно не знала, только помнила, что нашла ее в ящике со старыми детскими игрушками, когда уже училась в школе. Что, если на фото те самые качели? Что, если они и в самом деле существовали? Она как-то показывала карточку маме, но та пожала плечами и ответила, что в домашнем архиве полно отличных снимков, а этот неудачный лучше выкинуть. Софья пыталась выяснить, кто это может быть рядом с ней, но мама не знала. Может быть, дальний родственник, раньше к ним часто приезжали гости, а может быть, уличный артист с обезьянкой.

После того как Софья попыталась уйти из дома, и отец побывал в ее съемной квартире, он привел ее к Аркадию Петровичу. Да, квартира выглядела не совсем обычно, может быть, даже шокирующе для человека его возраста, но в ней не было ничего криминального – ни следов пьяных оргий, ни подозрительных личностей, ни даже чужой зубной щетки в стакане. Однако отец был убежден: то, как хочет жить его дочь, – ненормально. Тогда она впервые поняла, каким страшным человеком может быть психотерапевт.

Каждый раз, когда она выходила из его кабинета, все вокруг тускло, и люди сливались в серую комковатую массу, в свежесамешанный цемент, застывали, превращались в каменные фигуры. Если по дороге на прием Софья встречала бабушку, торгующую пирожками, то обязательно покупала хотя бы один. Не для того, чтобы съесть, а просто чтобы сделать приятное. Она брала у старушки теплый сверток, и ей представлялась уютная кухня, просто обставленная, но чистенькая и залитая солнцем. И неперенный букетик полевых цветов в самодель-

ной вазочке из пластиковой бутылки, и аромат свежей выпечки, и фотографии внуков в деревянных рамках, и аляпистый фартук – картинка рождалась из одного только прикосновения. Когда Софья возвращалась обратно, она больше не замечала протянутой руки с пирожком, и старушка казалась ей продолжением улицы, частью безликой стены хрущевки, антуражем города, незаметным, как мелкая трещина в асфальте.

Но страшнее всего был стационар. «Лучшая в стране частная клиника», – хвастался отец. Софья называла клинику «морозильником» и старалась как можно реже вспоминать о ней. Ее как будто на неделю заморозили, положили на полку в окружении странных, фальшивых фруктов, а когда она вернулась, то долго, с трудом оттаивала, приходила в себя. И непонятно, что было хуже – гладкие таблетки, после которых внутри образовывалась пустота, тягучая попытка разговора с врачом или случайные встречи с другими пациентами, после которых спазмом сводило горло, а в голову лезли странные, дикие, чужие мысли. У нее хотели отнять самое дорогое, самое ценное, она не понимала, что именно, но защищалась из последних сил. Внутри у нее все болело и плакало, а она улыбалась и делала довольный вид, только чтобы не попасть больше в это страшное место.

Когда она вернулась из клиники, фотография превратилась в пустой бесцветный прямоугольник. Вся ее жизнь стала серым пятном. Долго и мучительно Софья выкарабкивалась обратно, много времени понадобилось ей, чтобы очертания фигурок снова проявились на снимке.

И вот сейчас, если она не справится с «нормальной» работой, тогда снова... нет, уж лучше не думать об этом.

Софья уселась за стол. Есть только один способ восстановить хрупкое равновесие, поймать ниточку между внутренним и внешним миром, набраться сил для завтрашнего дня, который обещает снова быть тяжелым. «Идиотское хобби», «детское занятие», «поделки для дебилов» – единственное, что ее отвлекало и успокаивало. Софья не могла объяснить почему, но всякий раз, когда ей было плохо, она садилась за стол, доставала из беспорядочной кипы лист цветной бумаги, карандаши, кисточки и принималась своими руками мастерить открытку. Если бы она сказала отцу, что это занятие дарит ей смутную надежду на лучшее, то ее бы точно ждали несколько сеансов психотерапии. Может, она и вправду сумасшедшая?

Глава II

Чем сильнее тащить кость из пасти бульдога, тем крепче он ее будет держать. «У тебя бульдожья хватка», – частенько говорила про Ингу ее лучшая подруга. Прошедший день был тяжелым и безрадостным, как долгая осенняя дорога по колено в грязи, и любая другая на ее месте давно бы уже ревела в подушку, но только не Инга. Похоже, что Тараканище был прав – родители и вправду задолжали ему кучу денег, и, поскольку решением суда они официально были признаны погибшими, у нее оставалось два варианта на выбор: принять наследство, вступить в права на квартиру и в придачу получить все долги либо отказаться от всего сразу. Инга потеряла окрылившую ее в первый момент надежду на то, что все это – чистой воды обман и мошенничество.

Она сидела у себя на кухне и вязала кружевную салфетку. Неизвестно, для кого, потому что в глянцево-металлический интерьер ее кухни, расчерченной на строгие прямоугольники гладкими белыми и черными поверхностями шкафчиков, вязанные салфетки вписались бы в последнюю очередь, а родителям... нет, лучше о них не думать. Руки сами требовали работы – всего чего угодно, лишь бы не сидеть без дела. Из комнаты доносилось бормотание телевизора. С плакатика на холодильнике ей улыбались двое – любимый певец Лучано Паваротти и героиня «Секса в большом городе» Шарлотта. Не то чтобы Инга была фанаткой сериала, просто ей очень нравился образ Шарлотты, а еще больше – ее чудесная квартирка на Парк-авеню. В попытке найти столь же удачное сочетание стиля и уюта Инга все время что-то переставляла или ремонтировала на своих и без того безупречно обставленных сорока квадратных метрах. «Не дом, а картинка в журнале, – говорила соседка. – И как ты ухитряешься все время такой порядок поддерживать?»

Инга ловко орудовала крючком, попугай Павлуша комментировал из своей клетки:

– Крррружева! Кррружева!

– Кружева, – кивала Инга.

– Павлик кррррасотулька!

На самом деле такого страшного попугая – хромого и вечно облезлого, несмотря на все визиты к ветеринарам – еще поискать было. Однако птица почему-то упорно считала себя павлином, собственно, поэтому его и называли Павликом. Инга смеялась: у нее живет единственный в мире попугай, страдающий манией величия. В клетке у Павлуши висело маленькое зеркало, и больше всего на свете попугай любил себя разглядывать.

Толстая белая нитка ложилась ровными петлями, и так же, одна за другой, укладывались, текли стройным потоком мысли: «Долг придется отдавать», «Ни за какие миллионы не продам квартиру, только через мой труп», «Денег взять негде», «Рассчитывать можно только на себя», «Найду выход даже в пасти у крокодила». Инга ловко вытянула сложную петлю. Когда она только училась вязать, этот узор никак не хотел получаться. Непослушная нитка соскальзывала, крючок цеплялся за соседнюю петлю и капризно плясал в руках. «Не напрягайся, расслабься, – учила ее мама, рукодельница на все руки. – Дай крючку скользить, будто он сам по себе, а ты его только слегка направляешь». Вот и сейчас, пока она размышляла, кружева сами вытекали из-под пальцев. А еще мама любила говорить: «Если задачка не решается в одной плоскости, значит, нужно перейти в другую».

Вялый поток мыслей сразу же покатился шумной рекой, забурился водопадом. Зачем вообще родителям понадобилось столько денег? Куда они, дио мио, умудрились их потратить? Где находится приобретенное, и можно ли продать его, вернуть деньги обратно? Почему Инга ничего об этом не знает, разве у них были когда-нибудь друг от друга секреты? Обидно, честное слово, можно подумать, она им не родная! Хотя бы посоветовались, где лучше денег занять,

а то нашли какого-то хмыря! Кто еще может знать об этом? Может быть, остались какие-то документы, бумаги, вещи, что-то, что пролило бы хоть каплю света на эту загадочную историю?

Инга помчалась в квартиру родителей. Всю дорогу она ломала голову, стоит ли расспросить кого-то из родственников или общих знакомых, но потом решила, что это было бы неприлично, да и родители вряд ли хотели бы распространяться о своих долгах.

Она вошла в квартиру и сразу бросилась в гостиную, где родители обычно хранили документы, даже куртку не сняла, только щелкнула пультом телевизора – Инга не переносила тишины, особенно теперь и в этом доме. Одну за другой она вытаскивала из шкафчика толстые папки и конверты. Ничего нового или необычного. Многочисленные дипломы отца, гарантийные талоны на технику, сберкнижки еще советских времен, коллекция рентгеновских снимков чьих-то зубов, все это она здесь видела миллион раз. Стало жарко. Она бросила куртку на диван и принялась открывать дверцы и ящики, вываливая на пол все подряд. Инга перетряхнула внутренности дивана, заглянула под ковер, но ничего интересного не нашла. Потом взялась за спальню, обшарила тумбочку с косметикой, перерыла вещи в платяном шкафу, с трудом боролась с приступом тоски, вдыхая аромат маминых духов и перебирая родные вещи. В голову лезло неприятное слово «осиротевшие», именно так хотелось назвать платья, юбки и блузки, и она отгоняла это слово не глядя, как уличного попрошайку. Заглянула под матрас, нашла двести долларов. Это что, подарок вора, если заберутся?

Финансами в семье всегда, сколько Инга себя помнила, занималась мама. Наличные она держала в футляре из-под очков, на самом видном месте. У нее и очков-то никаких не было, один только футляр. «Вот туда-то воры и не полезут, если что», – говорила она. Но сейчас денег в футляре не было, это Инга проверила в первую очередь, сразу, как ушел Таракан. Да и крупных накоплений в их доме никогда не водилось. За границу родители выбрались второй раз в жизни, мама не любила уезжать далеко от дома. Странно, этот мерзкий тип сказал, что мама купила для нее квартиру. Но Инга была уверена, что квартира досталась ей в наследство от дальней родственницы, которую она, впрочем, никогда не видела.

Поиски в прихожей тоже не увенчались успехом. Ну ведь должно быть хоть что-то, хотя бы какая-то зацепка! Инга мысленно попросила у родителей прощения и обшарила карманы курток и пальто. Нашла несколько мятых билетов на автобус и горстку мелочи. Оставался только кабинет отца – бывшая комната Инги. Она, как и мама, не любила туда заходить. За каких-нибудь пару лет папа превратил комнату в настоящий лабиринт. Тут и там пизанскими башнями высились стопки книг, пробраться между которыми можно было только бочком, и повсюду витал запах старой бумаги. У стенки пристроилась раскладушка – в кабинете отец иногда ночевал, работая над сложным переводом. Мама шутила, что однажды его засыплет книгами, и ни один спасатель не сможет разобрать этот завал. Инга убеждала себя, что не хочет заходить туда, потому что начнет чихать от пыли, но в глубине души понимала, что боится с особой силой ощутить потерю отца. И все же Ингу не оставляла мысль, что именно там она должна обнаружить что-то важное. И уж точно она никуда не уйдет, пока не перероет все в этом доме сверху донизу.

Она собралась с духом, толкнула дверь и щелкнула выключателем. В тусклом свете абажура за клубилась потревоженная пыль. «Ты испортишь себе зрение», – она будто услышала голос мамы, даже обернулась. У входа привалился к стенке надутым боком словарь Мюллера. «У моего папы есть самые толстые книги на свете!» – любила в детстве хвастаться Инга. Она потеряла нос и чихнула – в египетских пирамидах и то небось чище. И как же тут можно что-то найти! Надо настоящие археологические раскопки проводить. Инга задумалась. Когда мама что-нибудь теряла, она обычно закрывала глаза и приговаривала: «Черт-черт, поиграй да и отдай!» – а потом сразу же обнаруживала нужный предмет на самом видном месте.

– Черт-черт, поиграй да и отдай! – прошептала Инга и на ощупь, с закрытыми глазами, двинулась внутрь комнаты. Споткнулась обо что-то на полу и чуть не упала. Открыла глаза,

ухватилась за край стола. Из приоткрытого ящика торчал потрепанный дерматиновый переплет. Она потянула за корешок и достала старый фотоальбом – с твердой обложкой неопределенного цвета, толстыми картонными страницами и металлической застежкой. Инга не помнила, чтобы раньше он попадался ей на глаза. Она уселась на скрипучую раскладушку и с любопытством открыла первую страницу.

«От сессии до сессии живут студенты весело!» – надпись была составлена из разнокалиберных букв, вырезанных из газеты. Под ней разместились, соприкасаясь уголками, два фото – юная мама с учебниками в обнимку и отец – молодой, длинноволосый, с гитарой, а еще чуть ниже приклеился выданный из зачетки листок с неудом по философии.

Инга листала страницу за страницей, и росла в ней, надувалась, как хомячьи щечки, вселенская обида. Ну почему, почему они ей никогда не показывали этот альбом? Ведь здесь же целая жизнь! На каждой странице – свой заголовок, узоры – симпатичные или корявые, ручками или карандашами, вклеенные странички из тетрадок, аппликации из цветной бумаги, и каждая страница – кадр из жизни. Вскоре она так увлеклась, что заулыбалась, забыв про обиду.

«В компании студентов самой скромной была закуска» – гласил заголовок на очередной странице. На фото – дружные посиделки, веселые лица, на столе – граненые стаканы, тарелка с огурцами и банка шпрот, рядышком – вырезка из старой советской газеты о вреде алкоголя и разрисованный страшными рожами кармашек, в котором обнаружился отпечатанный на машинке строгий выговор за дебош в общежитии. А Инга-то всю жизнь думала, что папа с мамой были примерными отличниками!

«Сын мо-ой! Не восхрани на лекции, дабы не разбудить ближнего своего!» – вот папа Инги спит за партой, уронив голову на руки, и лицо у него мечтательное-мечтательное, словно во сне Америку открывает. Рядышком – вырванный из тетради клетчатый листок с куском лекции.

«Тяжело грызть гранит науки, когда рот занят пивом» – крупным планом фото пивной кружки, а рядом – едва узнаваемый портрет юной мамы на бумажной салфетке. На странице желтое пятно, будто и вправду пролили на нее пиво, Инга принюхалась – пахнет старой бумагой.

«СТУДЕНТ = Срочно Требуется Уйма Денег Есть Нечего Точка» – советский рубль, крепко приклеенный к странице и обведенный цветными карандашами. На фотографии – студенты вокруг стола, лица у всех голодные и вытянутые, посередине, на столе – толстый ломоть хлеба. Сбоку примостилось меню студенческой столовой, строка «Картофельное пюре с подливой – 11 коп.» подчеркнута красной ручкой.

«The Beatles» – надпись тщательно выведена объемными буквами, под ней нарисована пластинка и приклеена мутная желтая фотография «битлов», похоже, переснятая с какой-то газеты, а еще ниже – мастерская картинка со спящей гитарой, склонившей гриф к подушке.

Вот папа с мамой в колхозе, сидят в грузовике, на куче мешков с картошкой. Тут же приклеен красный тряпичный флажок, выцветший от времени, «За успехи в сборе урожая». А вот смешная мама в галстук и пилотке – пионервожатая в лагере, к странице приколот значок с ракетой.

После веселых и компанейских страниц пошли романтические. Выведенные папиным почерком стихи, нарисованные маминой рукой сердечки, билеты в кино – по паре, и теперь уже они на фотографиях – в обнимку, а на одном фото и вовсе слились в поцелуе. Инга засмущалась, перевернула страницу и замерла. Что-то внутри нее вдруг шевельнулось. Так бывает, когда находишь свою детскую игрушку или слышишь песню, под которую первый раз поцеловал любимого человека. А картинка была странная. Слева – фотография мамы, и выражение лица у нее хитрющее и довольное, будто она только что ненавистному преподавателю на стул кнопку подложила. С другой стороны – отец, смотрит удивленно, словно динозавра увидел. От папы и от мамы к центру страницы вели неровные стрелочки, соединяясь в кружочек из

красной бархатной бумаги. Снизу по-детски незамысловато нарисованы елочки. На папу указывала синяя стрелочка. Инга машинально погладила шершавый кружочек пальцем, и вдруг у нее нестерпимо закружилась голова. Она зажмурилась и потерла глаза, а когда открыла, комната исчезла, а вокруг был только лес, и нос щекотал свежий еловый аромат, и дул тихий, теплый ветерок.

– Speaking words of wisdom, let it be, let it be, – тихо пел нежный женский голос.

Прямо напротив нее сидела мама – в точности как на фотографии – молодая, с распущенными волосами, в вышитой просторной рубаше и венке из ромашек. Она перестала петь и сложила руки на животе.

– Я что-то хочу тебе сказать.

– Рассказывай. – Инга сказала это или услышала?

Мама взяла ее руку – неожиданно большую и грубую. И засосало вдруг под ложечкой, и она вдруг поняла, что вся жизнь сейчас перевернется, изменится полностью, и никогда больше не будет прежней, но будет ли счастливой? Мамино лицо светилось, она поднесла руку к своему животу и мягко уложила ее сверху.

– У нас будет малыш, – хором прошептали они, рассмеялись и крепко обнялись.

И растеклась теплая, сладкая как мед радость, заполнила все тело, и оно стало легким и прозрачным, словно осталась в нем одна лишь только душа без плоти и крови, и безудержно захотелось взлететь. Пусть потом будут хлопоты, и свадьба, и пеленки, и горшки, и бессонные ночи, но сейчас, в этот момент, думать не хочется ни о чем, только делить друг с другом невообразимый коктейль чувств – радость самого дорогого на свете подарка, страх и волнение перед самой большой на свете ответственностью, предвкушение гордости – ведь скоро будет чем гордиться, и легкую первую горчинку – пора прощаться с беззаботной жизнью. Они слились в мягком поцелуе, и у Инги снова закружилась голова, и она зажмурилась.

А когда открыла глаза, то обнаружила, что снова сидит в комнате, с альбомом на коленях, и держит палец на бархатном кружочке. Она не сразу поняла, почему комната перед ней расплывается. Это было давно забытое ощущение – в глазах стояли слезы.

Инга бросила альбом на раскладушку и выбежала из комнаты. Она бродила взад и вперед по квартире, переступала через горы вещей, вынутых из ящиков и тумбочек, спотыкалась, бормотала себе под нос: «Ерунда, чепуха, мне показалось или я задремала и увидела сон». В конце концов, она сделала себе чашку крепкого кофе, который немного привел ее в чувство.

Интересно, люди сходят с ума именно так? Например, от горя? Говорят, если человек не может переварить все, что на него свалилось, он теряет всякую связь с действительностью, прячется от нее. Интересно, а пьют ли сумасшедшие кофе? А если даже и пьют, то умеют ли его готовить? И все-таки, что это было за наваждение? Может быть, Инга потеряла сознание или заснула? Но почему тогда очнулась сидя? И почему она никогда не видела раньше этого альбома? И кому теперь звонить? Психиатру? Экстрасенсам? Может быть, показать альбом кому-то еще?

А может быть, лучше сделать вид, что ничего такого не было? Пойти сейчас, спрятать альбом обратно в ящик, начисто забыть про него и заняться делом? В альбоме ведь ничего не говорится о том, куда родители дели столько денег, так что не стоит тратить на него время и силы.

Она подошла к окну. В тусклом свете фонаря труба казалась черной и гладкой, и от того, что она лежала, как и прежде, за окном, неподвижная и спокойная, становилось легче.

«Инга! Ты или сумасшедшая, или чего-то не знаешь! – твердо сказала она себе. – Если ты чего-то не знаешь, то надо это узнать! А если ты сумасшедшая, то тебе уже все равно!» Она встряхнулась, быстро допила кофе и вернулась в кабинет отца, прихватив с собой мобильный телефон.

Инга запустила в мобильнике запись видео и пристроила его напротив себя на столе. Альбом лежал перед ней, прикасаться к нему было страшнее, чем заглянуть в собственное будущее. Лучше бы она его не находила! С трудом пересилив себя, Инга подняла альбом и перевернула страницу. Картинка почти в точности повторялась, только теперь синяя стрелочка указывала на маму. Инга села прямо на пыльный пол, глубоко вдохнула и опустила палец на точно такой же красный бархатный кружочек.

Уже знакомое головокружение, и снова лес, и ее собственное тихое пение, и легкий, щекочущий страх внутри.

– Кеша, – сказал ее голос. – Я что-то хочу тебе сказать.

И все повторилось. Теплая ладонь теперь уже у нее на животе, и удивленные глаза отца, и объятия, такие родные и близкие, что хочется пить их как воду, и теплая нежность, обволакивающая туманом, и смутное беспокойство, которое теперь надолго, и сладко-горький комок в горле, и бесконечное чувство неодинокости. И еще едва уловимое поначалу, но становящееся все более стойким ощущение перемены, словно камера, которая снимала ее жизнь, вдруг сменила ракурс, и сама эта жизнь перестала принадлежать теперь только ей, а уже была наполовину отдана крохотному пока еще существу. Лес пел, воздух звенел от радостного напряжения внутри, и весь мир вторил ему в унисон.

Картинка пропала, растворилась, Инга вскочила, схватила телефон. Казалось, она только что была совсем в другом месте, но видеозапись показывала Ингу. Картинка была тусклая, плохого качества, но сомнений быть не могло – вот она, Инга, держит палец на странице альбома, тихонько раскачивается, глаза прикрыты. Выражение лица разобрать было трудно, но ей подумалось, что похожим образом выглядят люди на сеансе массового гипноза. Что за фокусы с этим альбомом? Новое изобретение, что-то вроде двадцать пятого кадра? Какая разница... То, что Инга почувствовала во время «сеанса», слишком взволновало ее, чтобы задавать себе вопросы.

Это было так странно, так необычно. Такие непохожие и в то же время такие одинаковые чувства, одна и та же картинка – но с двух сторон, одни и те же воспоминания – разными глазами. Страх и радость, волнение и нежность, сожаление и гордость перетекали друг в друга, а Инга не находила себе места, бродила по квартире, бросалась наводить порядок и раскладывать разбросанные во время поисков вещи, тут же вскакивала и бежала на кухню, делала глоток кофе и возвращалась обратно. Ей было плохо и хорошо одновременно, соединялись и расходились внутри нее две половинки одного целого.

Она обижалась на родителей: ну почему, почему они скрывали от нее так много? Этот альбом, свои долги и, кто знает, что еще? Она считала их самыми близкими людьми, у нее не было от родителей ни одного секрета, а они... Как они могли? Вот она им покажет, когда вернутся! Кристофоро Колумбо, лучше бы не знать ничего. Но когда Инга вспоминала ощущения *внутри* альбома, к горлу подступал спазм, на глаза наворачивались слезы, и она понимала, что не сердится на них и готова простить им все что угодно. В голове стало тесно от вопросов. Существует ли связь между их исчезновением и альбомом? Что за уникальные услуги, о которых тут распинался Тараканище? И как разузнать хотя бы что-то еще? Кто-нибудь из тех бывших студентов на фото может что-нибудь знать? И как их теперь найти?

Так она металась по квартире, как сумасшедшая Луна, потерявшая орбиту, пока в голове вдруг сама собой не родилась простая и ясная мысль: почерк! Она снова открыла альбом. Все страницы заполнены одним из двух почерков. Мамин она, конечно, узнает из тысячи. А вот этот, на студенческих страницах, кругленький, ровный, с одинаковыми характерными завитками в хвостиках «р» и «у», тоже очень знакомый. Где же она его видела, причем совсем недавно? Точно, в папке со старыми тетрадками, когда перебирала документы! Мама хранила по паре старых школьных тетрадок всех членов семьи, «на память». И такое «р» с толстым

хвостиком было выведено на одной обложке. Инга откопала в куче на полу тетрадку, приложила к альбому – один в один! Тетя Марта!

Значит, завтра Инга ее навестит. И вдруг сразу стало легче, дыхание успокоилось. Тетя Марта, конечно, не подарок. Проще диссертацию защитить, чем получить похвалу от тети Марты, а уж выпытать у нее что-то, о чем тетка не хочет говорить, труднее, чем у японского шпиона. Но если кто-то и может знать об альбоме, то это только тетя Марта! А значит, Инга что-нибудь да узнает, даже если придется тетю пытаться утюгом. Она быстро закончила прибираться и решила не ехать домой, а лечь спать прямо здесь. Всю ночь она ворочалась с боку на бок, просыпалась, сбрасывала одеяло и натягивала его обратно. В редких, рваных промежутках сна она видела сосновый лес и слышала тихое мамино пение.

Любимый старый халатик превращался в мокрую тряпку. Софья разорвала его на части и подоткнула щель под окном мансарды. Снаружи рвался в закрытые окна ливень, пробивался холодными струйками, наполнял собой белые горошинки на красной ткани, и точно так же наполнялся слезами рукав халатика у Софьи в руках, потому что все носовые платки остались внизу, в спальне, и возвращаться за ними означало еще раз столкнуться с родителями.

Софья искала то, что ищет пьяница на дне бутылки, геймер – в погоне за инопланетным монстром, домохозяйка – в очередном эпизоде сериала. Она хотела отвлечься. Но любимые книги и диски не спасали, она все равно не могла сосредоточиться ни на чем, строчки плясали перед глазами, а музыка звучала глухим неразборчивым фоном. Дождь размывал привычную картинку огней за окном. В целом мире она ощущала себя пыльным чемоданом, лежащим под кроватью, – и место занимает, и выкинуть жалко.

Софья ходила на новую работу всего две недели, но казалось, что она уже целую вечность бродит по замкнутой цепи унылых будней. День за днем, все мучительные восемь, а то и девять часов, Софья пыталась отыскать точку опоры, но вместо этого все глубже и глубже падала в пропасть.

Каждое утро, поднимаясь по ступенькам офисного здания, она мысленно раскланивалась перед невидимыми зрителями. Изюм в день здесь разыгрывался один и тот же концерт с небольшими вариациями, и она была невольной его участницей. После торжественной увертюры, утренней оперативки под руководством дирижера, Шалтая-Болтая, начиналось основное действие. Отплясывали танец с саблями главные инженеры проектов, трубили во все трубы, соревнуясь в громкости, начальники отделов, подсвистывали им на крошечных флейтах помощники и заместители, и все хотели одного – их проект, самый важный и самый срочный, должен быть напечатан и размножен первым. Софья металась между ними, как мышонок среди голодных кошек, и временами была уверена, что ее вот-вот четвертуют.

Она присматривалась к сотрудникам, но ни с одним из них ей не хотелось познакомиться поближе. Она искала в работе что-нибудь привлекательное, что дарило бы ей если не удовольствие, то хотя бы ощущение собственной нужности. Но ежедневные хлопоты были пустыми и бессмысленными, просто горы из бумаг, настоящие барханы и зыбучие пески огромной, бескрайней бумажной пустыни с непонятными чертежами и томами инструкций. Только становилась прочнее, покрывалась новыми шершавыми слоями скорлупа, что отделяла ее от мира.

Плясали по стенам причудливые тени абажура, киноплёнка последних дней продолжала прокручиваться в голове нудно и однообразно, как мексиканский сериал.

Софья подходит к приемной, но останавливается, услышав голос Ванды.

– У нашей новой начальницы, кажется, не все в порядке с головой, – говорит Барракуда.

– И в чем это выражается? – интересуется секретарша.

Ванда что-то шепчет, но Софья не может разобрать.

– Ее, конечно, по блату взяли, но чтоб такое, – охает секретарша. – Надо будет рассказать шефу при случае.

– У нас в Болгарии таких больных держат в специальных санаториях.

Ванда очень гордилась своими болгарскими корнями, настаивала, чтобы ее фамилию произносили на болгарский манер, с ударением на первый слог, не «Цветко́ва», а «Цвѣткова». По коридорам несла себя царственно, если бы сослуживцы начали вдруг падать перед ней ниц, она бы и бровью не повела. Кто-то однажды в шутку назвал ее Клеопатрой. Впрочем, Софья уже знала, что за глаза про Ванду говорили: «Как вы жопой ни крутите, все равно не Нефертити». Находиться с ней рядом в комнате было так же приятно, как сидеть в уголке террариума с голодным питоном.

– Предлагаю уволить новую начальницу отдела выпуска, – встает на совещании высокий человек в дорогом костюме, чьего имени Софья не помнит.

– Я думаю, мы подождем до конца испытательного срока, прежде, чем делать выводы, – Шалтай-Болтай мягко улыбается, но она совсем не чувствует облегчения, не ей адресована эта улыбка.

Она была статуэткой, ее поставили на стол так же, как отец поселил в гостиной незваного фарфорового негритенка. «Вот, полюбуйте, Пал Палыч, ваш подарок у меня на столе, на почетном месте. Нет, я ей никак не пользуюсь, но зато всегда о вас помню», – читала Софья в этой улыбке. Тогда, на совещании, глядя, как Шалтай-Болтай вкрадчиво улыбается, она решила сыграть в игру. Как в детстве, когда она размазывала слезы кружевной манжетой школьной формы, а отец нависал сверху извергающимся вулканом и орал: «Да ты два плюс два сложить не можешь!» Спустя полгода она выиграла районную олимпиаду по математике, отец носил ее на руках и показывал гостям как ученого попугая. Он так и не понял, почему она скатилась обратно на тройки уже к концу учебного года. А Софья просто решила поиграть в «математика», из чистого любопытства. Наблюдала за отличником Женей Лазурчиком, ходила за ним по пятам и выпрашивала, как он решает задачки. Садилась рядом и заглядывала через плечо. Перенимала его манеру думать так же, как пародист перенимает мимику и манеру говорить.

На сей раз Софья принялась колдовать над планом оптимизации процесса выпуска. Каждый день придумывала повод зайти к начальнику ведущего отдела Юре Суханову – единственному, кто всегда соглашался уделить ей время и отвечал на любой вопрос. Специально приходила чуть раньше назначенного времени, смотрела, как он работает, не отдавая себе отчета, ни о чем не думая. Присматривалась к Олечке, особенно внимательно – к Валечке и за Вандой наблюдала исподтишка. Три дня она впитывала, как губка, жизнь отдела с первого и до последнего распечатанного документа, пока несколько идей не родилось само собой, вылившись на бумагу стройным списком пунктов.

Порыв ветра швырнул в окно такой поток воды, что из-под мокрой тряпки потекло. Софья всхлипнула, ткнула пальцем абажур, он закачался, и тени сложились в еще одну картинку.

– Лучшие не позорьтесь. – Ванда рвет план Софьи пополам и выбрасывает в урну.

И скованы цементом руки, и слова застревают на кончике языка, и завораживают ярко-красные ногти, одним только взглядом пьет Ванда у нее кровь, да так, что бледнеют щеки, кружится голова, и подступает к горлу мучительная тошнота.

Колеблются мерно тени на стенах, выпадает из воспоминаний следующий день, прошедший в сонном оцепенении. За ним бессонная ночь в мучительной паутине размышлений, и утро, когда качается в голове маятник: пойти не пойти, предложить не предложить. И вот Софья мнет в приемной, сжимая потной ладонью папку с бумагами.

– У вас есть новые идеи, это хорошо. Но сейчас не время для экспериментов, план выпуска и так срывается, – говорит Шалтай-Болтай, мельком заглянув в листок. – Пока будем придерживаться старого порядка.

– Я хотела бы рассказать вам подробнее. Может быть, как раз получится...

– Давайте как-нибудь потом. Мне сейчас от вас нужно, чтобы план выполнялся, а когда появится время, подумаем над оптимизацией.

Едва проснувшийся интерес к работе, крохотная доля смысла разом пропали, растворились, как крупинка сахара в кружке чая. Офис живет по странным правилам, Софья никогда их не поймет. Все это происходит не с ней, а с кем-то совсем другим. Это другая девушка вздрагивает, когда к ней обращаются по имени-отчеству, это у кого-то другого холодеют кончики пальцев, когда она слышит очередную фальшивую отговорку в ответ на свою просьбу, и уж конечно же кто-то другой неловко угощает девчонок плюшками и шоколадом, а те вежливо отказываются, будто это еда из рук прокаженной.

До конца рабочего дня Софья бесцельно бродила по коридорам, натыкалась на людей, вздрагивала и беспомощно оглядывалась по сторонам в поисках поддержки, а в ответ на нее глядел плакат: «Компания – это наша судьба!» Софье казалось, что само офисное здание – живое, что оно задает гулким эхом большого барабана общий ритм, дышит вслед, неспешно поглощает людей – одних без остатка переваривает, а других – с отвращением выблевывает вместе с рвотной массой исписанной бумаги, засохших чайных пакетиков, одноразовых стаканчиков и обгрызенных карандашей. Есть ли люди, которыми этот чертов офис может подавиться? С первых дней работы она поняла, что здесь, в офисе, так же как в клинике, есть нечто страшное, липкое и холодное, то самое, что может сожрать все самое ценное у нее внутри. Как сбежать от этого? Куда спрятаться, как вырваться?

За окном по-прежнему стучал дождь. Софья в десятый раз взглядела в полароидный снимок и снова разревелась. Бурая мгла почти проглотила картинку, осталось только детское личико и два белых бантика. Еще чуть-чуть, еще пара дней, и уже ничего нельзя будет разглядеть. Опухшие глаза щипало, к горлу подступал кашель, по телу волнами пробегал озноб. Мысли то суетились, как восточные женщины в базарный день, отталкивая друг друга, то плыли неспешно, как облака по жаркому летнему небу. Завтра она будет выглядеть как китаец с глубокого похмелья. Что же делать дальше? Она больше так не может, у нее не осталось сил терпеть! Сказать отцу, что она отказывается работать в этом чертовом офисе, что больше никогда в жизни не переступит его порога? Но тогда... тогда снова ледяной кабинет. Нет, уж лучше сидеть тихо, как мышка, за своим столом и делать вид, что работаешь. Может быть, со временем выход найдется. Она что-нибудь придумает, почувствует, что-то поймет. Может быть... А если нет? Так теперь и будет до конца жизни? Ей вдруг стало страшно, панически страшно, как бывает, когда стоишь на краю небоскреба и смотришь вниз, и безотчетно хочется крепко схватиться руками за перила и ни за что их не отпускать. Она крепко обняла себя руками и сжалась в маленький плотный комочек. Дрожь потихоньку унялась, и Софья задремала.

Ей снилось, что она лежит на дне глубокого колодца, где-то очень высоко мерцают звезды, а вокруг темно и необыкновенно спокойно. В чистом и свежем воздухе разносится мягкий, приятный перезвон крохотных колокольчиков – динь-динь-динь, дон-дон-дон. И больше некуда падать, можно просто лежать и смотреть вверх, и вокруг растекаются, укрывают мягким облаком блаженство и покой. Где-то внутри родилось тепло, наполнило тело пронзительным звенящим потоком до самых кончиков пальцев. Мир вдруг стал больше, шире и раскрылся навстречу. Она почувствовала себя легкой, как пушинка. Поток усиливался, рвал изнутри тонкую плоть реальности, наполнял каждую клеточку тела радостным напряжением. Сейчас, еще миг, еще мгновение, еще одна тысячная доля секунды, и она взлетит ввысь. Мелькнула мысль: «Где я? Что со мной?» Поток оборвался, не дотянул до самой высокой ноты, отступил, скатился вниз, сильно забило сердце, стало частым дыхание.

Софья очнулась и села на диване. В глубине живота еще пульсировало тепло, дождь за окном утих и убаюкивающе ронял редкие капли. Темно, хоть глаз выколи... Она нащупала выключатель абажура, переключила несколько раз. Бесполезно, похоже, лампочка перегорела. Она поднялась и на ощупь включила настольную лампу. По полу из-под окна растеклась мут-

ная лужа. Софья открыла окно и вдохнула полной грудью холодный влажный воздух. Бесцветные коробки соседних домов окутала темнота. Значит, уже совсем поздно. Она машинально собрала тряпкой воду с пола, выжала за окном. В голове звенела приятная пустота, будто там кто-то прошелся шваброй, смыл с пеной все неприятные воспоминания, стер засохшие пятна обиды, разогнал пыльные облака суетливых мыслей.

Спать совсем не хотелось. Софье было удивительно хорошо, и захотелось вдруг сделать что-то осязаемое, запечатлеть, как на фотокарточке, если не каждое мгновение странного сна, то хотя бы самую маленькую его капельку, хотя бы смутный оттенок ощущений, чтобы однажды зацепиться за него и, как за ниточку, вытянуть весь восхитительный, пугающий, с ума сводящий поток.

Она уселась за стол, руки заработали сами по себе, словно они все еще были в том сне, удивляя свою хозяйку. Сначала из беспорядочной кучи на столе руки откопали кусок белого глянцевого картона в тонкую, едва заметную серебристую полоску (от изысканной упаковки какой-то дорогой маминой покупки). Потом рядом оказался старый ластик с нарисованным Дон Кихотом (сувенир из давней испанской командировки отца), искусственный зеленый листик (случайно оторвала у цветка в подъезде и спрятала в сумочку, пока никто не увидел) и лист со сметным отчетом (делала на обратной стороне какие-то отметки и прихватила домой).

Последними легли в ладонь любимые ножницы, старинные, тяжелые. Витиеватые бронзовые ручки, украшенные крохотными бабочками, приятно холодили кожу. Из картона Софья вырезала ровный прямоугольник. Потом взяла канцелярский нож, аккуратно отпилила у ластика верхний слой с картинкой. Вытащила из подставки несколько карандашей и начала делать набросок прямо на картоне, потом передумала, достала из ящика несколько чистых листов бумаги и рулон клеящейся фольги.

Карандаш выводил на бумаге изящный силуэт, делал несколько штрихов, и скомканный листок летел на пол. Софья ловила ощущение потока, чувствовала, как, неведомый и потусторонний, он преломляется через ее ладони и глаза, как луч солнца – сквозь цветное стекло. Стоило ей сделать фальшивое движение, дыхание потока становилось слабее, она в испуге отбрасывала листок и хваталась за следующий. Пока руки работали, она никак не могла отделаться от мыслей о Ванде. Дурные, мелочные, детские фантазии – она гнала их прочь, но они возвращались. Вот на Барракуду падает открытая банка с тонером, она становится похожей на трубочиста, а длинные острые ногти мешают ей оттирать глаза. Вот Ванда цепляется юбкой за край большого резака, возмущенно дергается, и под съехавшей вниз юбкой видны рваные застиранные трусы. Вот на офис нападают бандиты и берут сотрудников в заложники, Ванда бьется в истерику, а Софья ее мужественно утешает. Руки тем временем вырезали тонкие полоски фольги, орудовали карандашом и линейкой, колдовали над куском картона. Наконец, все штрихи легли, как надо, и рисунок задышал теплом, едва ли не оживал под ладонями. Софье вдруг нестерпимо захотелось поверить, что есть на свете что-то сильнее Ванды, Шалтая-Болтая, офиса, сильнее отца. И это «что-то» – извечно родное, только давно забытое – на ее стороне. Иначе, разве было бы ей сейчас так хорошо?

Когда Софья закончила, над крышами соседних домов уже родилась тонкая полоска бледного городского рассвета. Тучи рассеялись, из луж на соседних крышах пили растрепанные голуби. Взгляд упал на фотографию – на нее смотрела улыбающаяся девочка в белом платьице. Снимок снова начал проявляться! Странно, но она почти не удивилась, только тонкая струйка новой радости влилась в общий поток.

Пусть она сошла с ума, но если держать эту открытку при себе, ей точно будет легче. По крайней мере это поможет спасти снимок. Софья положила карточку в конверт и спрятала в сумочку – бережно, с надеждой, как студент кладет в ботинок пятак, как спортсмен целует крестик перед финальным матчем, как влюбленный закрывает коробочку с обручальным коль-

пом. Потом она забралась под плед и заснула. Первый лучик солнца, заглянувший в мансарду, застал улыбку на ее лице.

* * *

– Убирайтесь! Я никого не жду, – слышалось из-за двери.

Инга стояла в просторном подъезде сталинского дома и нажимала на кнопку звонка. Перед походом в гости она запаслась всем терпением, какое только могла в себе отыскать. Добровольно явиться к тете Марте – это из серии «жить захочешь, не так раскорячишься». На примере тетушкиного голоса мама в детстве объясняла Инге, что такое «иерихонская труба». А еще говорила, что если Инга не будет слушаться, то вырастет такой же, как тетя Марта.

– Тетя Марта, откройте, пожалуйста, это Инга! – Она позвонила еще раз.

Послышалось шарканье, дверь дернулась и приоткрылась на цепочке.

– Ну я вам сейчас покажу кузькину мать! Чего надо? А, это ты, деточка. Кто научил тебя являться к родне без звонка?

– Здравствуйте, тетя. У вас же телефон не работает.

– Ах да. Опять эти изверги плату за телефон подняли! Фигушки, не дождутся у меня, – она грозно потрясла внушительного размера кукишем из-за цепочки. – А ты зачем пришла?

– Я хотела с вами поговорить.

– Мне некогда. Ты не вовремя. Могла бы и сама догадаться.

– Тетя, мы так и будем через цепочку разговаривать? У меня тут грильяж в шоколаде. – Инга приоткрыла пакет и показала коробку. – И подарочек.

– Ммм... что ж, пожалуй, я найду для тебя две минуточки.

Дверь захлопнулась и открылась снова уже без цепочки. Инга вошла и едва сдержалась, чтобы не зажать нос. Господи, и как только соседи терпят этот зверинец. Сколько она себя помнила, тетушка всегда держала дома штук пять живых кошек и несколько десятков чучел питомцев, уже покинувших этот свет. Последних с каждым годом становилось все больше и больше, впору открывать фелинологический музей. Кошек Инга терпеть не могла, даже больше, чем ее любимец Павлуша. Уж очень морды у них наглые.

Тетя, как всегда, пестрела всеми цветами радуги и колыхалась вокруг Инги праздничным воздушным шаром. Просторный балахон – достойный предмет зависти хиппи – спускался с необъятных телес подобно занавесу для веселой молодежной пьесы и прятал под собой ножницы в полосатых черно-белых носках. Пучок обесцвеченных волос на самой макушке перехватывала огненно-рыжая заколка. Довершал тетушкин облик макияж – ярко-красные губы, кукольные, нарисованные глаза и свекольный румянец на щеках. Так могла бы выглядеть Пеппи Длинный Чулок в старости.

Инга прошла вслед за тетей в гостиную. За последний десяток лет ничего здесь не изменилось. Мебель стояла еще с тех времен, когда вещи умели делать на совесть, и сохранилась отлично. Неизменные настенные часы все так же оглушительно тикали. Как только пробьет три, из них высунется облезлая кукушка. Все те же лица актеров и режиссеров смотрели с пожелтевших фотографий на стенах, все те же выцветшие афиши и плакаты зазывали на давно канувшие в Лету спектакли. Во времена тетиной молодости местный театр гремел на всю страну. «Работа гримера – залог успеха любой постановки!» – утверждала Марта, и никто не смел с ней спорить.

Балахон удалился на кухню за чаем, а Инга устроилась в скрипучем кресле. На журнальном столике лежали старинные ножницы – красивые, с витыми бронзовыми ручками, блестящими отточенными лезвиями, ручки украшены крохотными бабочками. С подлокотника на Ингу уставилось немигающим взглядом тощее пыльное черное чучело. Она поежилась, протянула руку, чтобы переставить чучело на пол, и вздрогнула от неожиданности, потому что

оно возмущенно мякнуло и задергало хвостом. Кристофоро Коломбо, в этом доме никогда не разберешь – кто еще живой, а кто уже нет! Инга выложила на столик коробку конфет, подарок для тети – ту самую вязаную салфетку (не пропадать же ей, в конце концов) и альбом.

– Ну, деточка моя, что привело тебя к старой мымре? – Тетя внесла в комнату поднос с крохотными фарфоровыми чашечками, изящным заварником и большим заляпанным чайником, поставила его на столик и шлепнулась в кресло напротив.

– Тетя Марта, вы знаете, что случилось с родителями?

– Насколько мне известно, они поехали отдыхать во Францию. Надя, между прочим, один раз в жизни могла бы взять с собой старуху-сестру! – Она пододвинула к Инге чашку. – Пей, деточка, кто вас, любителей комфортной жизни, еще напоит приличным чаем не из пакетика.

– Они... они пропали без вести. – Инга потрепала мочку уха. – Полиция считает, что они погибли.

– Глупости какие! – фыркнула тетка. – Ничего не хочу про это слышать! Если бы моя сестра погибла, я бы точно это почувствовала. Ты тоже хороша, а еще дочь родная, между прочим. Голова тебе на что дана?

Инга только вздохнула.

– Ну а в остальном как у тебя дела? – продолжила Марта другим тоном. – Ты все еще встречаешься с тем бесчувственным хмырем, с этим поленом, с этой самовлюбленной вешалкой для костюма с галстуком?

– Он не хмырь! И вообще, это мое личное дело, – не выдержала Инга.

– Попомнишь мои слова, он тебя испортит, – проворчала тетка, с хрустом вгрызаясь в грильяж.

Инга как следует дернула себя за ухо и отхлебнула чаю. Не обращать внимания ни на какие выпад! Она здесь не для этого. У тетки за ушами так и трещало, в такт тиканью ходиков. Тик-так, хрум-хрум. Интересно, грильяж быстро на нее действует? Она уже достаточно подобрела? Над столиком показалась пушистая рыжая морда, не обнаружила ничего для себя съестного, понюхала альбом и громко чихнула.

– Ах ты моя пусенька! Будь здорова, Алла Борисовна! А где у нас Филенька? Иди посмотри, где у нас Филенька.

Рыжая морда не спеша удалилась в сторону спальни. Тетка снова захрустела конфетой. Инга отхлебнула чаю и глубоко вздохнула.

– Ну? – Тетка вопросительно зыркнула, часы из любопытства притихли.

– Тетя Марта! Вы когда-нибудь видели этот альбом?

Тетушка подняла альбом и поднесла к самому носу.

– Студенческий? Да я его делать помогала! Честно тебе скажу, не мастер твоя мама по альбомам. Вот я в былые времена...

– Тетя, – перебила ее Инга. – А вы не замечали в нем чего-то особенного? Необычного?

– Петька Веселухин... ох, шепутной был парень, за мной ухлестывал, – хохотнула тетка, рассматривая фото. – Сейчас-то небось тоже тот еще старикан – не подарок.

Она листала страницы и дошла до того самого разворота, с красным бархатным кружочком.

– О, деточка, ты знаешь, что это за фотография? На ней есть ты, вот тут, у Наденьки в животе. – Тетка погладила пальцем красный кружок, закатила глаза, принялась раскачиваться в кресле взад-вперед и тихонько что-то замурчала про себя.

Инга вцепилась в подлокотники и замерла. Тиканье часов болезненно отдавалось в висках. Сердце в нетерпении сжалось. Была ли надежда ненапрасной? Или ей пора начать принимать успокоительное? Ей кажется, или в теткинском бурчании можно узнать «Let it be»? Кристофоро Коломбо, у старой гримзы никогда не было слуха! Она тоже видит? Или придуривается? Но если она видит и слышит то же самое, и если это не семейная психическая болезнь, тогда...

– Ку-ку! Ку-ку! – хрипло завопила кукушка из часов.

Тетка вздрогнула и захлопнула альбом.

– Вы это видели? – Инга вскочила и уселась на корточки рядом с ней. – Вы видели лес, и маму, и слышали, как она поет?

– Деточка, зачем ты пришла?

– Что вы об этом знаете? Обо всей этой чертовщине? Что это все значит?

– Этот альбом не такой уж плохой, как я думала раньше. Пожалуй, мне даже нравится.

– Тетя! – взмолилась Инга. – Мне очень нужно знать! Пожалуйста, объясните, в чем тут дело? Как эта штука вообще работает?

Тетка поджала губы.

– Обещай мне, что бросишь своего хмыря и найдешь кого-нибудь стоящего.

– Обещаю. Честное пио... честное слово, в общем. – Она бы сейчас пообещала сменить пол и усыновить всех теткиных котов, только бы узнать хоть что-то.

Тетка наклонилась над Ингой, дыхнула старческой усталостью и приторными духами, шепнула едва слышно, непохоже на себя:

– Верь тому, что ты чувствуешь.

Теткино шумное дыхание свистело над ухом. Инга боролась сразу с несколькими желаниями – схватить эту раскрашенную корову за грудки и вытрясти из нее все, что она знает, возмутиться, умолять, угрожать, требовать. Надо заставить тетку рассказывать, говорить... но как? Проще научить черепаху звонить по телефону. До чертиков разбирает любопытство – как работает альбом? Можно ли «войти» в другие картинки? Можно ли сделать нечто подобное самой? Но это все сейчас неважно, можно выяснить потом, как – она придумает. Сейчас есть только один вопрос, который мучает ее по-настоящему.

– Тетя Марта, как мне найти родителей? Вы можете мне помочь? Помогите мне, я вас очень прошу! Я сделаю все, что вы захотите!

– Деточка, у тебя есть голова и руки. Это все, что тебе нужно.

– Тетя! О таких вещах нигде не пишут, и журнал «Оживим воспоминания» никто не выпускает! Я перерыла весь Интернет, никто и нигде не рассказывает ничего подобного. Ну и чем мне тут голова поможет?

– Ты чего на меня орешь? – спокойным тоном сказала тетка. – Иди-ка лучше, вскипяти для старой мымыры еще чайку.

Инга всплеснула руками, подхватила поднос и вышла из комнаты, нарочно громко топая. На кухоньке было тесно, но относительно чисто. Инга отвернула ржавый кран, сполоснула чайник и начала машинально оттирать пятна. Взгляд упал на верхнюю полочку на стене напротив, уставленную рядом потрепанных книг. Она налила в чайник воды, поставила на плиту и принялась разглядывать корешки. Кулинарные книги, старые, еще пятидесятых годов. Сборники рецептов, блюда на каждый день, маринады, соусы, ого, даже коктейли! Инга потянула книжку с коктейлями, из нее выпала пожелтевшая картонка, к которой приклеились несколько листочков бумаги. С фотографии посредине карточки улыбалась миловидная темноглазая девушка с маленькой родинкой в уголке рта. Прямо к фото были прикреплены две розы – одна красная, картонная, другая белая, тряпичная, с жемчужинками. Третью картонки занимала обертка от шоколада «Экстра» фабрики «Красный Октябрь». Еще Инга обнаружила на карточке листок из старого календаря, нотный лист, кусок какой-то выкройки и вырванную из блокнота страничку со стихотворением. Она перевернула открытку. На задней стороне в бумажной рамочке аккуратным почерком было выведено:

Роза вянет от мороза,
Роза вянет от тепла,
А моя подружка Роза

Не завянет никогда!

В карточке было что-то, удивительно похожее на альбом. То ли стиль оформления, то ли запах старой бумаги, то ли что-то, чему нельзя было дать объяснения. Инга пощупала карточку, погладила пальцем розочку, понюхала обертку. Пожала плечами и положила карточку обратно в «Коктейли». Подумала немного, вытащила ее обратно, аккуратно согнула пополам и засунула в задний карман джинсов. Что за идиотизм такой, тетке определенно есть что рассказать, а она уперлась, вот ведь старая ослица! И отказывается понять, как это важно. Ну и как ее переубедить? Что теперь, правда утюгом пытаться? Впрочем, если жизнь родителей будет зависеть от этого... кстати, а чем это пахнет? О Боже! Она помчалась обратно в комнату и завизжала, едва заглянув внутрь. Альбом полыхал синим пламенем! На столике лежала зажигалка, рядом стоял флакончик бензина. Тетки в комнате не было. Инга схватила салфетку с комода и накинула на альбом. Пламя быстро утихло, по комнате пополз удушливый запах гари.

– Ты что это делаешь, курва! Это же подарок моей покойной бабушки! Твоей прабабки, между прочим! – прогремело сзади.

– Да вы!.. – Инга кипела от возмущения, чувствовала, что вот-вот взорвется. – Да вы же специально его подожгли!

– Хо, – тетка уперла руки в бока, точь-в-точь как это делала сама Инга.

– Вы... ты... да ты и есть настоящая старая мымра! – выпалила она.

– Хо! Я и не отказываюсь.

– Спать последнюю весточку, последний шанс, последнюю зацепку! Вместо того чтобы помочь!

Инга выругалась. В некоторых обстоятельствах филологи умеют выражаться ярче сантехников, и это был как раз тот случай. Инга гладила почерневший альбом, едва сдерживая слезы. Несколько последних страниц сгорели безвозвратно. Драгоценные развороты с бархат-

ными кружочками обуглились по краям. Кристофоро Коломбо, да что же это такое делается! Как она могла, чужую вещь! Так бесцеремонно! В глубине живота стало нестерпимо горячо, рвался изнутри огонь, будто ему хотелось сцепиться в схватке с тем пламенем, что поглотило бумагу, вернуть страницы, восстановить их, до самой последней черточки, защитить, сделать неуязвимыми. Но это невозможно, все потеряно, вот так, в один миг. Дура! Зачем она вообще пришла! Знала же, что все равно ничего не выйдет! Жар внутри стал невыносимым, он искал выхода, Инга задыхалась, как в дыму, перед глазами все плыло.

– Ааааааа! Вот тебе! – Она схватила с комода фарфоровую статуэтку и со всей силы швырнула об пол.

Осколки разлетелись по комнате. Коты дружно зашипели из углов и подняли хвосты, ходики в ужасе перестали тикать. Дым таял, утекал к потолку, и у Инги перед глазами постепенно прояснялось. Она обняла обгоревший альбом и зашагала прочь, из комнаты, из квартиры, подальше от тетки, подальше от своих мыслей, подальше от того, чего она никогда раньше не делала. Это было так на нее непохоже – всегда такую уверенную, спокойную, напористую. Как она могла! Инга, которая всегда гордилась, что не поддается на провокации, что способна трезво соображать в любой ситуации, что проще подбить танк из детской хлопушки, чем вывести ее из себя. И тут вдруг так потерять самообладание, повести себя как базарная баба, обыкновенная истеричка, капризный ребенок! Нет, все-таки тетка кого угодно доведет до ручки. Ничего удивительного, что с ней способны жить только коты. Ну и черт с ней, все равно все шансы разговорить ее теперь потеряны. Инга изо всех сил хлопнула входной дверью. Но дверь тут же приоткрылась вновь.

– Деточка, – окликнула ее тетка. – Я так за тебя рада, моя лапушка.

Инга удивленно обернулась.

– Возьми, – тетка протягивала конверт и улыбалась, подозрительно довольная.

В другой раз Инга бы гордо развернулась и ушла. Но не сейчас. На конверте маминым почерком был выведен теткин адрес, стоял французский штамп, и в глаза сразу бросалась дата – двадцать пятое мая.

– Откуда это... – начала было Инга.

– Все-все, мне пора голубей кормить, – замахала руками тетка и захлопнула дверь.

Сколько Инга ни звонила в дверь, на этот раз никто не открывал. Только противный кошачий голос пронзительно мяукал из-за двери. Она уселась на подоконнике и дрожащими руками открыла конверт. «Мамма миа», – сказал бы сейчас на ее месте отец.

* * *

Утро в офисе напоминало последнюю репетицию оркестра, когда каждый музыкант настраивает инструмент на свой лад. Ванда перед началом рабочего дня покрывала длинные ногти десятым слоем лака и подтачивала их пилочкой, будто планировала вцепиться кому-нибудь в спину. Обычно у Софьи мурашки по коже бежали, когда она видела эту картину, но сегодня она ничего такого не чувствовала, только кружилась, плыла голова. Фанис крутился вокруг Ванды, пересказывал содержание вчерашнего сериала не хуже заправской бабуся на скамейке у подъезда, а иногда разминал ей плечи широкими ладонями и между делом отвечивал неумелые комплименты. Софья закрывала глаза, и ей представлялось, как возле барракуды суетится рыба-прилипала, надеется, бедолага, что однажды она превратит его в настоящего хищника.

Как только Софья пришла на работу, она сразу же достала и поставила на стол открытку, долго смотрела на нее, считала минуты до оперативки и потихоньку пьянела, как от шампанского. Когда осталось десять минут, она открыла маленькое окошко под потолком и с шумом втянула холодный воздух. Но ее все равно качало в глубине невидимых волн, хотелось тан-

цевать и хихикать, мир вокруг покрылся сюрреалистической паутиной сновидения, в котором растаяла привычная защитная скорлупа. Когда сознание выныривало на краткий миг на поверхность, она отдавала себе отчет, что это просто истерика, хорошо бы, если кто-то дал бы ей пощечину, привел в чувство. Но никому не было до нее дела.

Комнату для совещаний уже заполнили снизу доверху суета и оживление. Легли на стол ежедневники, мягкие, пухлые, в дорогих кожаных переплетах, и кто-то уже рисовал под жирной датой на полосатой странице смешную рожицу, не дождавшись начала совещания. Унылая увертюра, открывающая начало рабочей недели, начиналась как обычно. Странно, но на оперативках ни изворотливые оправдания, ни фальшивые комплименты не вызывали у Софьи бурного отторжения или тошноты, слишком они были формальными, карикатурными, чтобы принимать их всерьез. Только привычный холодок бежал по кончикам пальцев так часто, что превращался в ледяную реку, и стыли кости.

Шалтай-Болтай уже устроился во главе стола, просматривал бумаги, улыбался и поглядывал поверх очков, наблюдая, как рассказываются остальные. Весь круглый, мягкий, уютный, всегда с улыбкой на лице и по-отечески доброжелательный, он скорее подошел бы на роль директора школы или пионерлагеря, чем руководителя большой коммерческой организации. По правую руку разместился первый зам, Альберт Фарисеевич. Софье он представлялся шаманом при вожде племени. Никто толком не знает, что именно он делает, кроме танцев с бубном вокруг вождя, но все догадываются, что ни одно решение в организации без него не принимается, даже если это вопрос покупки туалетной бумаги.

Последним ворвался, как всегда на взводе, будто его подняли по боевой тревоге, краснолицый Пчелкин и шлепнулся в кресло. Тимофей много лет увлеченно работал над идеальной методикой организации процесса работы, он мечтал свести к минимуму человеческий фактор.

– У каждого из вас будет простой и понятный список задач. Вам не нужно будет думать, вы ничего не забудете и не сможете ничего перепутать, – произнес это, он многозначительно поднимал вверх указательный палец.

Вздохмаченный и часто небритый, с красными, воспаленными глазами, остервенело влюбленный в работу, будь он лет на двадцать старше, Пчелкин прекрасно подошел бы на роль сумасшедшего профессора в комиксе. Своим примером он доказывал справедливость поговорки «Все болезни от нервов» – здоровым заставить его было трудно. Прыщи и дерматит переходили в конъюнктивит, конъюнктивит – в гайморит, а тот – еще в какой-нибудь геморрой. Вот и сегодня он потирал набухший прыщ на подбородке.

– Ну что, начнем? – спросил Шалтай-Болтай. – С повесткой дня все уже ознакомились?

– Можно сначала один срочный вопрос? – перебил его Пчелкин. – Я думаю, уже у всех наболело.

– Хорошо, слушаем Тимофея.

– Отдел выпуска опять срывает план. У заказчика терпение скоро кончится. Я считаю, что все проблемы из-за нового начальника. Цветкова гораздо лучше справлялась с этой работой, по крайней мере, таких серьезных отставаний от графика не было. Я пригласил ее на совещание, правда, она что-то задерживается.

Софье стало смешно. А чего они, интересно, ожидали от продавщицы воздушных шариков? Что она им упакует документацию в бумагу с полосатыми мишками, и заказчик сразу простит все недоработки? Она представила себе папки в праздничной розовой упаковке, перевязанные пышными блестящими бантами, и едва сдержалась, чтобы не хихикнуть.

– Мы ведь уже говорили на эту тему. – Шалтай-Болтай оставался непреклонен в своем мнении. – Человеку нужно время освоиться, включиться в процесс. Я приму решение после окончания испытательного срока, и точка, это не обсуждается.

– Тогда я за сроки сдачи не отвечаю, – пожал плечами Пчелкин.

– Хорошо, – кивнул директор. – Давайте пригласим сейчас Цветкову, обсудим вместе самое срочное, пусть она поможет Софье Павловне.

Он нажал кнопку на телефоне и попросил:

– Леночка, позовите к нам, пожалуйста, Цветкову.

– Сейчас, – отозвался голос в динамике.

Софья ущипнула себя под столом за ногу. Надо собраться, сконцентрироваться, временно стать логической машинкой, маленьким компьютером. Сейчас все эти начальники будут рассказывать, что им нужно, надо запоминать и записывать. Вокруг шумели голоса, обсуждали какие-то проблемы, а Софья пыталась отыскать в себе строгое логическое начало, то место в плывущей по волнам голове, где есть специальные полочки для раскладывания информации. Она уже почти нащупала их внутри себя, ощутила шероховатую поверхность темного дерева, когда дверь приоткрылась и появилась Ванда. Софья сжалась в комочек, внутренне напряглась и принялась уговаривать себя потерпеть, как в кресле у стоматолога. Ведь это совсем недолго, ну сколько может длиться совещание – час, максимум два, она как-нибудь переживет.

Но едва Ванда вошла, как Софья сразу почувствовала: что-то не так. Обычно совещания с приходом Ванды приобретали новый оттенок – гламурно-красный, лоснящийся. Мужчины втягивали круглые животики и приглаживали лысины, женщины отвлекались от сути вопросов и бросали косые взгляды. Она врывалась с бодрым приветствием, и после этого ни на минутку нельзя было забыть о ее присутствии, как дети не могут вести себя естественно, если где-то в уголке, пусть даже и молча, сидит воспитательница. На этот раз она вошла тихо и незаметно, ни с кем не поздоровалась, и, что уж совсем было на нее не похоже – прядь волос выбилась из прически, игриво болталась у виска. Воротник блузки съехал набок, под ним приоткрылась взгляду кружевная розовая ляпка от лифчика.

– Ты чего сразу не пришла? – прошипел Пчелкин.

Ванда вздрогнула и так же шепотом ответила:

– Я забыла.

Тимофей покачал головой. Ванда села рядом с Софьей и даже не посмотрела на нее. Софья готова была встретить атаку, но, к своему удивлению, ничего не почувствовала. Однажды в кино она видела, как в тюрьме мыли заключенных – голых и незащищенных, мощной струей воды, от которой негде было спрятаться. К чему-то подобному она была сейчас готова, но от Ванды не исходило привычного напора. Она вздохнула с облегчением, и по животу растекалось мягкой волной приятное тепло. И разом голова встала на место, и логические полочки наконец-то ясно нащупались. Софья раскрыла блокнот и приготовилась записывать.

– Ну, с повесткой дня разобрались. Прошу остаться тех, у кого проблемы с отделом выпуска, и тех, у кого подходит срок сдачи. Остальные могут быть свободны, – объявил Шалтай-Болтай.

Софья прикрыла глаза, впитывая реальность на слух. Шум отодвигаемых стульев, шаги и голоса затихают в коридоре, закрывается дверь. Вот теперь можно открыть глаза. Пчелкин, Ванда, директор, три главных инженера проектов и шаман. Ну что ж, она готова.

– Ванда, у Софьи Павловны возникли некоторые проблемы с выпуском проектов. Я считаю, вы, как опытный сотрудник, должны ей помочь. Давайте посмотрим, что у нас самое срочное.

Вскоре на столе появился список из десятка пунктов. По всему выходило, что все проекты срочные, но сдать их одновременно никак не получится, даже если отдел выпуска будет работать без перерыва на сон и обед.

– Определимся с приоритетами. Ванда, какие у вас есть предложения?

Ванда поднялась, посмотрела в потолок и принялась трепать рукой край юбки, как школьница у доски, которая не знает ответа. Софья подумала, что сейчас она сошлется на плохое самочувствие и выскочит из кабинета. Но она взяла список, вчиталась и сказала:

– Я не знаю. Я первый раз вижу эти названия, и они мне ничего не говорят. Хотя... вот тут есть пункт – пояснительная записка.⁴ Я думаю, это ведь не так срочно? В конце концов, почему отдел выпуска вообще должен тиражировать чьи-то объяснительные записки? Сами могли бы напечатать. Их что, так уж много?

– Шесть томов, – машинально ответил Пчелкин и приподнял брови. – Что за глупые шутки...

– Шесть томов записок? Да что ж вы там пишете-то? – Ванда хлопнула ладонью по столу, глаза ее засверкали. – Вот это как раз и отложим.

В кабинете повисла тяжелым ватным одеялом тишина. Ванду шупали взгляды – удивленные, насмешливые, устало-недоуменные, как смотрит врач на здорового ипохондрика. Софья разглядывала бледно-розовые кружева на ляжке. На смуглой коже проступили пупырышки, как будто Ванде было очень холодно. Мучительно захотелось поправить рубашку, спрятать ляжку и накинуть ей что-то теплое на плечи. Тьфу ты, это ж Барракуда, неспроста она так себя ведет. Тут есть какой-то подвох. Потом небось скажет, что это Софья довела ее до нервного срыва.

– Вы посидите, подумайте еще, – наконец, мягко произнес Шалтай-Болтай и виновато улыбнулся. – Софья Павловна, а вы что скажете?

Софья улыбнулась про себя и принялась излагать. Ничего более легкого ей нельзя было предложить. Она ничего не понимала в проектной документации и не разбиралась в нюансах взаимоотношений с заказчиками, но всего этого ей было не нужно. Достаточно было, что все заинтересованные лица были здесь. Она видела перед глазами иерархию их желаний и устремлений так же четко, как лесенку или детскую пирамидку, ясно чувствовала, кому действительно сдача нужна позарез и кровь из носу, а кто просто перестраховывается или хочет выслужиться и получить премию. План выстроился в голове сам собой, ясный и четкий, разложился по полочкам, а она брала каждый пункт по очереди и озвучивала. Когда она закончила, Шалтай-Болтай сказал:

– Что ж, звучит разумно. У кого-нибудь есть возражения?

Главные инженеры проектов стучали ручками, терли лбы, недовольно поглядывали то на Софью, то друг на друга. Пчелкин шумно вздыхал, поглаживал прыщ и морщился. Альберт Фарисеевич разглядывал ее с любопытством, словно у нее на лбу показывали текущие курсы валюты.

Софья опять с трудом сдерживала улыбку, на сей раз не истерическую, а довольную. Она решила озвучить один пункт из своего плана:

– И еще кое-что. Предлагаю сделать электронный архив. К нам достаточно часто приходят специалисты с просьбой откопировать чертеж из архива, отвлекают нас от текущего выпуска. При размножении чертежи можно не копировать, а сканировать и затем отпечатывать на плоттерах. Так будет удобнее по комплектам разбирать, и сразу будет формироваться электронный архив.

– Что за глупость, – возмутилась Ванда. – Да вы с ума сойдете чертеж сканировать, он же большой, его надо сначала разрезать, а потом двадцать пять раз через сканер пропустить. Так никакого времени не хватит!

Софья не удержалась и улыбнулась. Не столько от того, что ей было смешно, а потому, что впервые рядом с Вандой ей не было неловко и мучительно больно. С нескольких сторон раздались тихие смешки. Только Шалтай-Болтай смотрел на Ванду с беспокойством.

– Что вы имеете в виду?

В самом деле, не может быть, чтобы Ванда не знала, что в отделе есть широкоформатный аппарат, который легко и быстро сканирует за один проход чертежи любых размеров?

---

⁴ Пояснительная записка – раздел проектно-сметной документации.

– Ну как же, вот, – она поднялась и подошла к настольному сканеру-принтеру из разряда «два в одном». – Вы что, не видите, что чертеж сюда не влезет?

– Все, пошутили, и хватит, – хлопнул ладонью по столу Пчелкин. – Меня план пока устраивает, предлагаю также собраться по этому вопросу в конце следующей оперативки.

– Закончим совещание, – хлопнул в ладоши Шалтай-Болтай. – Все свободны. Софья Павловна, на минуточку.

– Вы хоть помните, как директора зовут? – шепнул кто-то тихо Ванде, выходя из кабинета.

– Морковки пусть поест, говорят, для памяти полезно, – слышалось из коридора. – Нефртити недоделанная.

Шлеп! Гнилой помидор размазлся по белоснежной блузке Ванды, в уютную ямку, где пряталась грудь, потекла зловонная жижа. Софья махнула рукой, прогнала накативший внезапно образ.

– Мы, наверное, отпустим Цветкову сегодня домой, правда? – спросил Шалтай-Болтай. – Вы же справитесь сами?

– Я никуда не пойду, – возмутилась Ванда. – Почему я должна уходить? Я знаю, вы меня хотите уволить, потому что я ничего не понимаю в проектной документации. А я понимаю, я прекрасно во всем разбираюсь, просто я кое-что забыла, но я вспомню, вот увидите!

– Вы переутомились, вам нужно отдохнуть, – ласково уговаривал ее директор. – Выспитесь, подышите свежим воздухом, завтра тоже можете не приходить. А там посмотрим. Вы на прошлой неделе слишком много работали.

Когда Ванда ушла, Шалтай-Болтай взял Софью под руку и тихо сказал:

– Знаете, на прошлой неделе она мне сказала, что вы сломали технику. Теперь я понимаю, что она просто очень переживает. Я подумаю, может быть, найду ей должность в другом отделе.

– Но я... – возразила было Софья, но тут же замолчала. Так Барракуде и надо, в конце концов.

– Знаете, я подумал насчет вашего плана, наверное, надо что-то попробовать потихоньку. Вот это отношение к вам, такое... не очень положительное, я думаю, скоро изменится. Все-таки сложный, творческий коллектив, новых людей принимают с трудом. Вы должны знать – я на вашей стороне, я вас поддерживаю.

Софья не вышла – на крыльях вылетела из кабинета. Все-таки существует на свете справедливость! Так вот что чувствует спортсмен, занявший второе место, когда у чемпиона в крови обнаруживают допинг. Ей захотелось подпрыгнуть и кого-нибудь обнять. Пожалуй, она расскажет сегодня отцу, что ее похвалил сам директор. Наконец-то первая удача! Может быть, если она добьется успехов на этой работе, отец оставит ее в покое? Горячая радость растекалась по всему телу, Софья покраснела, расстегнула верхние пуговицы рубашки. Несмотря на обеденное время, ей совсем не хотелось есть. Хорошо-то как! И только в дальнем уголке сознания что-то тихонько, едва заметно, покалывало. А что это случилось с Вандой? Бог наказал? Или она свихнулась от собственной вредности?

Она забежала в туалет, умылась холодной водой, долго прижимала ладони к разгоряченным щекам и только потом вернулась в отдел. Все ушли на обед, только Фанис прямо за рабочим местом хлебал из пластиковой коробочки быстрорастворимую лапшу, от которой по комнате распространялся отвратительный острый запах. Софья задержалась у стола Ванды, заглянула внутрь – сумка на месте или она все-таки ушла? Слава богу, ушла. На столе стояли фотографии с любимыми растениями Барракуды. Одно из них показалось Софье знакомым. Где-то она уже видела такое. Точно, у них в подъезде стоит такое же дерево, только искусственное. И форма листика знакомая, как... как на открытке! Софья кинулась к своему рабочему месту. Открытка лежала на столе, на ней нарисованные ладони сжимали пачку отчетов, а к ладоням подкрался приклеенный ластик, стирал половину большого пальца на правой руке.

Пластиковый зеленый листик украшал угол открытки. И зачем она его приклеила, он здесь совсем не в тему? Да черт с ним, с листиком. Ванда забыла! Она действительно все забыла, в самом деле, кусочек ее памяти стерли, как след карандаша ластиком!

– Фанис! – Она бросилась к нему. – Фанис, утром вы были в комнате, перед совещанием, когда я ушла?

– Ну, был, – он чуть не поперхнулся и отложил ложку.

– Вы видели, Ванда брала что-то на моем столе?

Он задумался, потом покачал головой.

– Ничего такого...

– Говорите честно, я не буду ругаться.

Фанис молчал.

– Я только что с совещания. Ванду отправили отдохнуть на пару дней, директор сказал, что он на моей стороне. Не советую со мной ссориться. Лучше скажите.

Фанис вздохнул.

– Она разглядывала какую-то карточку у вас на столе. Сказала, что там такой листик, как будто его оторвали с цветка, такого же, как у нее дома.

– А потом что? Вы ничего странного не заметили?

– Потом она сказала, что у нее кружится голова. Наверное, не выспалась. Попила воды, тут позвонила Лена, и она ушла на совещание.

Софья не могла поверить своим ушам. Вот он в чем, фокус. Ну и кто из них теперь сумасшедший? Не обращая внимания на Фаниса, который поспешно доедал свою лапшу, она открыла сумочку и взглянула на фотографию. Ей сразу бросились в глаза ботинки. Первый раз она видела ботинки незнакомца на снимке так четко. Они были несуразно большими, круглые черные носы загибались вверх. Похоже, этот человек все же был уличным артистом, носил костюм клоуна или персонажа мультфильма. Возможно, поэтому черты его лица казались такими странными. Но лицо пока не проявилось, оставалось размытым пятном. Софья разглядывала ботинки, пока у нее не закружилась голова.

Она бросила взгляд на часы – до конца обеденного перерыва еще есть двадцать минут. Софья накинула куртку и выскочила на улицу. Глубоко вдохнула, окунулась в звуки и запахи осеннего города. Воздух пах дождливой свежестью и бензином, шумели машины, поднимали тучи брызг. Мчались по важным делам ошестинившиеся зонтиками прохожие. Крупные редкие капли падали на лицо, на волосы, стекали за шиворот. Где-то вдалеке пронзительно завывала сирена скорой помощи. В ответ на сирену сквозь тучи проглянуло любопытное солнце, и над соседним зданием выросла радуга.

В голове стучала только одна мысль – скорей бы вечер, скорей бы добраться до мансарды и проверить догадку. Сделать это можно только одним-единственным способом.

Глава III

Того, кто неделю назад сказал бы Инге, что она будет бояться открытки, она бы лично сдала в дурдом. И вот теперь в ее сумочке лежит кусок картона, который ей по-настоящему страшно взять в руки. Пощупать бы открытку как следует, найти ее секрет, не текста же ради прислали ее мама с папой. Но отчего-то панически страшно, как будто держишь в руках конверт с результатами анализа на СПИД. Может быть, она боится обнаружить в открытке то, из-за чего пропали папа с мамой? Она снова и снова задавала себе этот вопрос, но страх был иррациональным, животным и не желал признавать никаких логических объяснений.

Что же все-таки оно означает, это странное послание от мамы? Инга еще раз вспомнила карточку во всех подробностях, потом вздрогнула – в неровном свете свечей лицо человека рядом с ней показалось чужим. Кто он, этот незнакомец, с которым она сейчас занимается любовью? Инга непроизвольно отшатнулась, мужская рука придавила прядь ее волос к постели, и от резкой боли в голове прояснилось – это же Алик! Мысли мчались за ней вдогонку, как опоздавший пассажир за поездом, так быстро, что она даже потеряла всякую связь с реальностью.

Инга никогда не закрывала глаза во время секса, любила, чтобы рядом горели свечи или ночник. Вот и сейчас она смотрела на причудливый танец теней. За окном мерно стучал дождь, тихо играла музыка. Атмосфера романтического уюта заполняла собой комнату так, что можно было откусить от нее кусочек, как от свадебного торта. Но ничто не будило, как обычно, приятного тепла внутри, и не получалось провалиться в блаженную негу, было неуютно, словно они занимались любовью не в ее маленькой квартирке, а на крыше небоскреба. Ингу уносило далеко от торопливых поцелуев и мягкого горячего тела любовника, она словно смотрела издали на выцветшую картинку, дурацкую открытку ко дню влюбленных. Ха! Открытку! Алик тихо, сдавленно зарычал и особенно сильно вдавил ее в постель. Из глаз брызнули слезы, но она молча продолжала наблюдать за пляской теней на потолке.

Скользкое шелковое белье, прерывистое мужское дыхание и острая боль спасательным кругом ненадолго возвращали ее к нормальной, обыденной реальности. Но уже в следующую минуту она начинала сомневаться. Инга много раз перелистывала альбом родителей, точнее то, что от него осталось. Она блуждала пальцами по страницам, но ни одна из них не оживала перед глазами, кроме той, с красным бархатным кружочком. Она выучила наизусть каждую фразу, каждый жест, но, в очередной раз погружаясь в чужие воспоминания, снова удивлялась тому океану, что бушевал глубоко внутри, глубже слов и обьятий. Тогда ей становилось не по себе, привычная картинка ее жизни казалась плоской и фальшивой, проткнутой насквозь, как нарисованный очаг в доме папы Карло. Наверное, это депрессия накладывает дурной, извращенный отпечаток. Неудивительно, в таких-то обстоятельствах.

Алик откинулся, шумно выдохнул и потянулся. Инга сглотнула слезы и положила голову ему на плечо. Втянула запах пота и парфюмерии, опустила руку на его объемистый животик, тот затрепетал, заколыхался в ответ. Рядом с ним ей всегда было спокойно, как за каменной стеной. Всегда, но не сегодня.

– Алик, что мне делать?

– С долгами? – сразу понял он.

– Да.

– Ингусь, но это же просто старая квартира, на первом этаже, да еще эта труба вечно перед носом. Может, стоит смириться и продать ее?

– Как думаешь, можно что-то сделать?

Он осторожно вытащил руку из-под ее головы, сел и сложил руки на груди.

– Я бы рад дать тебе денег, но не могу. Семья, ты же знаешь. Сашку на лето отправляем в Англию учиться, у Ленки тренировки дорогие. Жена дачу достраивает.

Инга отвернулась и подтянула коленки к животу. Все равно бы она не взяла денег. Ни у него, ни у кого-то другого.

– Ингусь, – он закашлялся. – Постучи по спине, а? Она неохотно поднялась и несколько раз от души хлопнула его пониже лопаток.

– Ну хватит, хватит. Ингусь, не дуйся. Ты же знаешь, чем смогу, тем помогу. У меня есть знакомый, отличный юрист, он мне кое-что должен, я дам тебе телефон. Возможно, он что-то подскажет.

– Смотри, что я нашла у папы с мамой дома.

Инга выбралась из постели, принесла альбом и нырнула обратно. Протянула из-под одеяла руку и щелкнула выключателем ночного светильника. Обгорелые края страниц она сразу после возвращения от тети Марты аккуратно обклеила скотчем, из пластиковой папки соорудила обложку.

– Ого! После пожара, что ли?

– Вроде того.

Алик листал страницы, посмеивался:

– Ну и фантазерка была твоя мама! И не лень ведь было все это делать.

Когда он дошел до страницы с бархатными кружочками, Инга игриво, как бы невзначай, взяла его за руку и поднесла палец к кружочку, провела им по бархату, замерла: увидит или нет?

– Странная какая-то картинка, зачем здесь эта стрелочка и кружочек? – удивился он.

Не увидел. Она поиграла его пальцем, провела еще и еще раз. Алик отмахнулся и перевернул страницу:

– Смотри, еще одна, точно такая же. Зачем?

Ничего он не видит. Неужели все-таки семейная психическая болезнь? Неожиданно для себя Инга почему-то расстроилась. Дышать стало тяжело, грудь свело спазмом, как во время приступа бронхита, только без кашля. Не надо было ему показывать.

– Будем спать? – Он захлопнул альбом.

– Алик, я тебе хочу еще кое-что показать.

– Может, завтра? Уже так хочется спать, – он зевнул.

– Сейчас. Прямо сейчас.

Она вскочила и, как была, нагишом и босиком, побежала в прихожую. По дороге чуть не споткнулась об огромную напольную вазу с сухой композицией – последнее из ее приобретений, громоздкое, но невообразимо стильное. Нашупала в сумочке конверт, ладони сразу вспотели. Показать или нет? Ноги стыли от ледяного пола, из-под входной двери тянуло сквозняком. Она поспешно вернулась, нырнула в теплое нутро постели, спрятала холодные ступни между его горячих бедер.

– Я вчера была у своей полусумасшедшей тетки. Родители прислали ей открытку.

– Ого, дорогая, наверное. Ручная работа, похоже. – Алик вертел в руках картонный прямоугольник.

– Я думаю, что мама ее сама сделала. Почитай текст. – Инга спряталась с головой под одеялом.

– «Все, что с нами происходит, уже когда-то было», – прочел он. – Что за глупость? И почему ты уверена, что эта открытка – от твоей мамы?

– Это ее почерк, я узнаю его из тысячи. И потом, видишь вот эти буквы «Н. П.» в уголке, со стразами? Они как бы слились между собой. Это монограмма, мама так вышивки подписывает. Открытка была отправлена двадцать пятого мая, – сообщила Инга из-под одеяла. – Поли-

ция говорит, что они пропали двадцатого. Во всяком случае, в отеле и на пляже их последний раз видели именно двадцатого.

– Интересно, что они хотели этим сказать? – спросил Алик.

Инга зарылась глубже в одеяло, прижалась к мягкому телу, растаяла. Какой бы она ни была самостоятельной и уверенной в себе, как бы ни хотела быть независимой, но она отдавала себе отчет, что иногда надо почувствовать рядом мужскую силу. Спокойную, рассудительную, твердую, крепкую мужскую энергию. Поблизости, получить простой, логичный совет, чтобы мысли сразу пришли в порядок, чтобы стало ясно и понятно, что делать дальше. Она вертелась, пыталась устроиться поудобнее, в надежде заразиться пресловутой мужской уверенностью, но не ощущала ничего, кроме духоты. Что за дурацкий сегодня вечер, что-то все время ускользает, что-то идет не так. В самом деле, что полезного можно извлечь из этой открытки? Ехать во Францию? Что она сможет, без денег, без связей, без полномочий? Да и французский она знает плохо. Может быть, что-то можно разузнать здесь?

– Алик, ты чего молчишь? – Она высунулась из-под одеяла.

Он сидел, закрыв глаза, сжимал в ладони открытку и тихо кивал, будто бы в такт своим мыслям. Инга на мгновение замерла, но тут же не выдержала и затормозила его:

– Алик! Алик! Ты что-нибудь видел?

– А, что? Сорри, я что-то задремал.

– Ты же не спал, ты кивал головой.

– Говорю же тебе, задремал. Устал сегодня на работе. Давай спать, а? Может, утром какая полезная мысль в голову придет.

– Что тебе снилось? Расскажи мне.

– Я не помню, какой-то дурацкий сон.

– Вспомни, ну, пожалуйста!

– Елки-молотки, ну неужели нельзя просто поспать?

Инга вскочила, стянула с него одеяло, завернулась в него.

– Ну как ты не понимаешь! У меня родители пропали, может, эта открытка – единственный шанс их найти?

– А при чем здесь мой сон? – удивился он, прикрываясь подушкой. – Верни одеяло, холодно же!

– При том! При том, что ты мне ни капельки не сочувствуешь! Я все жду-жду, что ты меня поймешь, что ты меня поддержишь, а ты... ты только и думаешь о том, как бы выспаться! – Она топнула босой ногой.

– Иди сюда. – Он встал, сгреб ее в охапку и увлек обратно в постель вместе с одеялом.

– Ингусь, ты же взрослая женщина. Они погибли, надо смириться. Пошли купаться и утонули. Понимаешь? Ну не льсти себе глупыми надеждами. Ерунда эта открытка. Может, они там во Франции письма из ящиков раз в пять дней вынимают. Или оно завалилось куда-нибудь почтальону под стол.

– Алик, расскажи мне свой сон, – прошептала она. – Ну, пожалуйста!

Он закашлялся. Привстал, но приступ кашля никак не унимался. Инга похлопала его по спине.

– Тебе нужно бросать курить.

– Тебя забыл спросить, – ворчливо пробормотал он, с хрипом вдохнул и улегся обратно. – Все, я выключаю свет. Поговорим завтра.

Он задул свечи, щелкнул выключателем и вскоре засопел. Инга притихла. Ей нестерпимо хотелось выпытать у него про сон. Вдруг это был никакой не сон? Вдруг ему удалось «прочитать» открытку? По-настоящему «прочитать»? В ней должен быть второй, подводный, глубинный, настоящий слой. Ведь не в штампе же дело, в самом деле. И не зря она так боится взять ее в руки лишний раз, только положит на стол и смотрит издали, как на тигра в зоопарке. Что

же этот такое! Кристофоро Колумбо, все вокруг как будто что-то знают, а ей никто ничего не хочет говорить!

Инга прислушивалась к ровному дыханию Алика. Они встречались нечасто, но с непременным взаимным удовольствием. Это был не любовный роман – в нем не нашлось места ни горячим клятвам, ни признаниям, ни бурным разбирательствам, – а нудный сериал о маленьких удовольствиях, без ссор и неприятных неожиданностей, но с маленькими, часто эротического толка сюрпризами и вежливой сдержанностью. Не из тех старомодных отношений, когда любовники называют друг друга на «вы» и по имени отчеству, а из тех, когда они не позволяют себе открыто ковырять в носу, закрывают дверь туалета на защелку и никогда не видят друг друга в рваных трениках или выцветшей футболке. После каждого свидания она засыпала в счастливой утомленности, а на другой день летала как на крыльях, наполненная, энергичная, подшучивала над знакомыми, видела в зеркале солнечный блеск в собственных глазах и перedelывала кучу дел.

Но сегодня Инга никак не могла заснуть. Что-то изменилось. Что-то неуловимое и крохотное, как одинокая капля дождя на только что вымытом окне. Хотелось отключиться, забыть на время про трагедию с родителями, про эту дурацкую историю с долгами и квартирой, и про альбом, и про открытку, как будто все в порядке, как будто ничего этого не было. Она бы, пожалуй, могла. Лежала бы сейчас, слушала стук дождя за окном, наслаждалась двойным теплом слившихся в объятии тел, впитывала аромат потухших свечей. Если бы не та самая непонятная малость. Она снова заворочалась. И чего ей еще надо? Принцесса на горошине нашлась!

Инга вытащила из-под одеяла руку и взяла с тумбочки открытку. Ладони стали горячими, кончики пальцев жгло, как от крапивы. Все равно она не сможет спокойно спать, пока не разберется. Пальцы нащупывали силуэты, она уже знала картинку до мельчайших деталей, помнила с закрытыми глазами. Картонная карусель крутилась под пальцами, как диск старинного телефона. Вот воздушный шар, его легко узнать по выпуклой корзинке, мастерски сделано. За ним гусь, можно нащупать клюв, потом кораблик с парусом, потом маленький пароход с дымом из нарисованной трубы, дельфин, ракета и снова воздушный шар. Снизу море перебирает волнами нежно-голубого бархата, сверху солнце искрится золотистыми лучами. Она перебирала картинки, как четки, и мысли потихоньку успокаивались, накатывала долгожданная дремота. Палец замер на рельефе паруса – чудно как, кораблик болтается между небом и морем, не хочется возвращаться на место. Алик заворчал что-то неразборчивое во сне и перевернулся на другой бок. Инга вздрогнула. Кто он, этот человек рядом? Совсем чужой. Что он делает в ее постели? Ей вдруг остро захотелось отстраниться, как в автобусе, когда неожиданный рывок заставляет прижаться к незнакомому человеку. Она с трудом сдержала желание выбраться из постели, отодвинулась, положила открытку обратно на тумбочку и отгородилась от Алика подушкой. Ну вот, так все-таки комфортнее. Может быть, принести запасное одеяло?

Стоп! Она села на кровати. Что она делает? Опять это наваждение? Это же Алик, свой, родной, она знает наперечет каждый седой волос на его голове, каждую родинку на теле, она знает, что он любит на завтрак и на ужин, и какие ласки заставят его стонать от удовольствия, и как вывести его из себя за двадцать секунд. Тьфу ты! Она вернула подушку на место и плюхнулась обратно. Открытку брезгливо взяла двумя пальцами и засунула в тумбочку.

Нестерпимо захотелось ощутить его снова, всего целиком, сбросить наваждение, вернуть вечеру хотя бы ту малую толику романтического уюта, что была в нем еще полчаса назад. Ее озорная ладошка пробралась поближе к Алику. Есть один способ разбудить его так, что он не будет возмущаться.

Снова жадные руки гуляли по ее телу, и проснулось внизу живота волнительное ожидание, и снова все было так, как много раз до этого. «Все, что с нами происходит, уже когда-то было», – завертелась в голове фраза из открытки. И сразу отпустило, и накатила волна облег-

чения, как бывает, если сбросить с усталых ног тесную обувь, и рассыпались-разбежались раздумья. Инга скатилась в долгожданную негу, туда, где есть только тело, огромное, всепоглощающее, где не верится, что крохотный кусочек кожи, легкое прикосновение, нежное движение вызывают сумасшедшую, неугомонную бурю, заставляют одно тело выгибаться навстречу другому и тут же ускользать от него. Два дыхания слились в одно, и на миг Инга почувствовала – вот сейчас, сейчас отвлечься на долю секунды от огня, играющего с телом, глянуть – не глазами – внутренним взором на Алика, и откроется то неведомое, невообразимое, непонятное, что терзает ее весь вечер. И станет ясно, почему он и чужой, и родной одновременно. Мелькнул донной рыбой где-то в глубинах души испуг, она сжала бедра, укусила Алика за плечо и вцепилась в реальность изо всех сил, отмечая каждую деталь: пятно света на потолке – внизу проехала машина, у Алика нос вспотел – дрожат капельки, грозят сорваться, сосед наверху сходил в туалет – ухнула с ревом вода в унитаз.

И едва отпустила победная, вырывающая из тела стон волна, как накатило долгожданное спокойствие. Разлился внутри тихий, прохладный, безмятежный голубой океан. Все, что с нами происходит, уже когда-то было. А значит, нет ничего, что было бы важным сейчас. Если бы Инга заглянула сейчас в тумбочку, то заметила бы, как дернулась нарисованная карусель, и парусник уехал вниз, к бархатно-голубому морю. Но она уже сладко спала, и ей не снилось ровным счетом ничего.

* * *

Первым объектом для эксперимента Софья выбрала Фаниса. Хотя в офисе его дразнили «хитрым татаринком», из всех сотрудников он казался ей самым простым и понятным, прозрачным и предсказуемым, как бутылка водки. В тот день, когда состоялось памятное совещание, она попробовала подсунуть открытку с ластиком Фанису, но она не произвела на него никакого эффекта. Тогда она предположила, что открытка должна зацепить человека чем-то очень близким и знакомым ему, как Ванда заинтересовалась листиком от цветка. У Фаниса было две мечты – большой плоский телевизор и поездка в Турцию. Его стол всегда украшала папка красочных рекламных проспектов из магазинов техники.

– Йоханный бабай, опять в этом году в Турцию не съездил. Ну уж на будущий год точно поеду, – вздыхал он.

– Нет там ничего хорошего, в этой Турции твоей, – ворчала Валечка. – Работай теперь на этих турков.

– Не скажи. Все нормальные люди там отдыхают.

Прошлым летом Олечка тайком взяла кредит и купила путевку на двоих, и теперь сестры отдавали банку добрую половину зарплаты. Олечка и Валечка в офисном оркестре разыгрывали одну фортепьянную пьесу на двоих, причем Оля играла только на черных клавишах, а Валя – исключительно на белых. В свободную минутку Олечка доставала любовный роман, а у Валечки под рукой всегда был учебник английского. Обе девушки перелистывали страницы одинаковым движением руки, слегка послунявив палец, и одинаково потирали коленки, если героиню Олечкиного романа бросал очередной возлюбленный, а Валечке попадалась особо заковыристая грамматическая форма. Олечка вечно что-нибудь путала или забывала, а на Валечке целиком и полностью держалась работа всего отдела. Она была теми двадцатью процентами сотрудников, которые делают восемьдесят процентов всей работы.

Пожалуй, из всех сотрудников в Турции не побывали только двое – Фанис и нормоконтролерша Лилечка, которая охраняла шубу.

– Куда я поеду?! – кудахтала она. – У меня же шуба, пятьдесят тыщ, я ж не могу ее оставить, вдруг сопрут.

– А ты свою шубу с собой возьми, – советовала Ванда.

– Ты что, а если багаж потеряется? Или горничная из номера украдет? – серьезно парировала Лилечка.

На самом деле Лилечка вообще никогда не брала отпуск совсем по другой причине – потому что его никогда не брал Юра Суханов. Лилечка звучала в общей какофонии офисных настроений яркой любовной нотой. Пухлая и нежная купидонша, перебирающая струны арфы, она была из тех женщин, что всю жизнь страдают от неразделенной любви к человеку реальному, но заведомо недостижимому. Наивная влюбленность в школьного учителя переходит в тихую одержимость поп-звездой, а с возрастом перерождается в пылкое чувство к большому начальнику или, напротив, вздохи украдкой по молоденькому мальчику. Влюбчивой и романтической Лилечкиной душе тело досталось неподобающее, далекое от мужских идеалов, как Северный полюс от Москвы. Коротконогая и приземистая, с обширным бюстом, на котором запросто могла бы разлечься кошка, с копной рыжих волос в мелких кудряшках («Как в одном месте», – метко выразилась Ванда), она никогда не была избалована мужским вниманием, что, впрочем, не помешало ей выйти замуж и обзавестись парочкой детишек. «Влюбленная тумбочка», – так звала ее про себя Софья. В последнее время Лилечка грезилась о начальнике ведущего отдела Юре Суханове, который был младше ее лет на десять, а то и на пятнадцать, и к тому же женат. Поначалу Софья никак не могла понять, почему Юриным до черточки выверенным чертежам достается от нормоконтролерши столько нелестных слов. Пока однажды, выходя из его кабинета, она не поймала на себе болезненный, затравленный взгляд Лилечки, и все сразу стало ясно. По телу пробежала волна неприятной ломки, как будто начиналась простуда, Софья поежилась, обняла себя руками и отвернулась. С тех пор они взаимно старались избегать друг друга.

Фанис часто говорил, что у него слишком много работы для отпуска. Он стрелял очередную сотню до полочки и доставал из лаковой барсетки дорогой мобильник, такой, «как у всех приличных людей». Поддержание имиджа «нормального человека» отнимало у него слишком много денег, чтобы хватило еще и на Турцию.

Как узнаваемо изобразить на открытке Турцию, Софья не придумала, поэтому выбор пал на телевизор. Она стащила один из рекламных буклетов со стола Фаниса, выбрала самый большой и красивый. Вторым ключевым образом должна была стать корова. Уж очень ярко отложилось у нее в голове первое впечатление от их знакомства – пятнистая шкура на ядовито-зеленом лугу, отвисшее вымя, огромные коровьи губы смачно пережевывают траву, вокруг жужжат мухи и пахнет так, как обычно пахнет летом в деревне. Но что изобразить на открытке? Корову показывают по телевизору? Корова жуёт телевизор? Сидит верхом на телевизоре? Наваливает на него кучу? Вылезает из телевизора? К тому же сюжет открытки должен быть таким, чтобы Фанис подумал: это рекламный проспект. Над всем этим Софья ломала голову за ужином, не попадая отвечая на вопросы отца. Она уронила вилку, наклонилась за ней, и взгляд упал на танцующего негритенка. Разом пробрал по коже мороз. Вспомнились совещания, лицо Фаниса – честное и простое, и такое же откровенное, простое, без всякой фантазии, вранье: «Вы сломали плоттер. Надо вызывать специалиста». Она вспомнила, как ругался мастер из сервиса, показывал страницу из инструкции, учил, как открыть крышку и вытянуть застрявшую бумагу. Уходя, посмотрел со вздохом на Софью и не выставил счет за ремонт. Потом она даже не вспомнила – физически ощутила, как дрожал, преломлялся в ее руках теплый волшебный поток, когда она рисовала прошлую открытку, и сразу же поняла: к черту логику! Нужно просто сесть и начать.

Софья отодвинула тарелку, налила себе чашку чая и поднялась:

– Я наверну попить.

Отец вопросительно сдвинул брови.

– Хочу кое-что по работе почитать.

Он одобрительно кивнул и снова уткнулся в газету.

Софья уселась за стол, глотнула чаю и отставила кружку. Погладила стол, перебрала пачку картона и разноцветной бумаги. Прислушалась к себе. Тишина. Руки потянулись к тяжелым старым ножницам с бронзовыми ручками. Она кожей почувствовала крохотных бабочек на ручках, холод металла, и проснулось, зашевелилось знакомое уже ощущение. Дальше уже не нужно было думать, только работать, дать рукам свободу, позволить им вести себя, как им захочется, пуститься в вольный танец, ловить в один момент ускользящий поток и тут же, в следующий миг, наслаждаться его полнотой. Когда открытка была готова, она достала фотографию и долго ее разглядывала – проявилось что-нибудь новое или нет? Похоже, все по-прежнему – маленькая девочка с бантиками, смутный силуэт в огромных ботинках и больше ничего.

Она заснула под утро, полная любопытства и предвкушений, как в детстве перед Новым годом. Ее мучили две мысли: как именно подействует открытка на Фаниса, и проявится ли еще что-нибудь на снимке?

Утром она вышла из дома пораньше. По дороге прихватила внизу, у консьержа, удачно подвернувшийся свежий выпуск рекламной газеты какой-то крупной торговой сети, закинула в серединку открытку и положила себе на стол.

Фанис, едва зашел и снял куртку, тут же обратил внимание на газету. Он мечтал о какой-нибудь фантастической распродаже, поэтому не пропускал ни одного рекламного выпуска.

– А что это у вас?

– Да вот, такая милая девушка на улице раздавала, я не могла отказать, – соврала Софья. – Возьмите себе, если хотите.

Он развернул газету, на пол выпала карточка. Фанис поднял ее и долго разглядывал.

– Ишь, реклама! Придумают же, йоханный бабай!

Софья вглядывалась в его лицо, с нетерпением переминаясь с ноги на ногу. Словно высматривала результаты лотереи с пачкой выигрышных билетов в руках.

– Все равно дорого, блин, – вздохнул Фанис и унес открытку на свое место.

За ним шлейфом потянулась волна резкого одеколонного запаха. Софья еще покрутилась вокруг него под разными предлогами, а потом занялась работой, мучительно ломая голову: что она сделала не так?

После обеда выяснилось, что открытка сработала самым неожиданным образом. Она не сразу поняла, что произошло. А началось все с мусорной корзины.

Большая урна в отделе обычно была так переполнена, что напоминала огромную взлохмаченную голову, к тому же с перхотью. Смятые бумаги и «лапша» – продукт работы шредера – торчали во все стороны, мелкие бумажки рассыпались вокруг, и уборщица каждый раз ворчала, собирая с пола этот урожай. Софья собиралась выкинуть испорченный документ, на который кто-то «удачно» поставил чашку с чаем, когда ее внимание привлек непривычный мусор. Возле корзины валялась упаковка с этикеткой. Софья пригляделась: «Носки мужские, размер 42–44». Эти носки могли принадлежать только одному человеку в отделе, и она стала наблюдать за Фанисом с удвоенным любопытством. А вел он себя странно. То ерзал на стуле, то наклонялся куда-то под стол, то вертелся и оглядывался по сторонам, как неусидчивый школьник, то вдруг щупал себя под мышками. Через час после обеда он попросился выйти на полчаса по важному делу. А когда вернулся, вместо оранжевой рубашки на нем была другая, бледно-зеленая, еще хранящая следы складок от упаковки. В зеленом он еще больше напомнил ей деревенское лето. «Хорошо в деревне летом, пахнет сеном и...» Стоп! Ее осенила внезапная догадка.

– Валя, – спросила она. – Ты не знаешь, Ванда давно удобряла свои цветы?

– Не помню точно. А что?

– По-моему, у нас какой-то деревенский запах в комнате.

– Ничем не пахнет, – вмешался Фанис. – Вам, наверное, кажется.

Софья посмотрела на его покрасневшее лицо, на пляшущий под столом носок начищенного ботинка, и прикрыла ладонью рот. Ее душил, переполнял, рвался наружу смех, ей хоте-

лось запеть или сплясать. Так вот в чем фокус! Волшебные открытки обнаруживают скрытое! Они проявляют не только фотографию, они вскрывают чужие страхи, как консервный нож – банку. Страх не блещущей интеллектом карьеристки показаться некомпетентной, страх деревенского парня показаться некультурным, неопрятным, негородским. Она поднялась, открыла окошко и распахнула дверь. Фанис тихо встал и вышел. Софья выглянула за ним в коридор – он шел по направлению к туалету и нюхал себя под мышкой. Она не удержалась и хихикнула.

Софья с трепетом достала снимок. Над нелепыми ботинками появились смешные полосатые штаны! Значит, эксперимент удался, она на верном пути. Штаны проявились только до колена, но теперь она была уверена, что на фотографии – клоун. Потемнело на миг в глазах, вспыхнуло и тут же погасло смутное воспоминание – красный нос на резинке, загнутые ботинки, нарисованная улыбка. Софья поняла, что больше не боится увидеть человека на снимке. Как старый плюшевый медведь, он весь, целиком, был родом из детства, вместе со своими полосатыми штанами и красным носом. Она даже подумала, что скучает по нему, по этому загадочному знакомцу-незнакомцу.

Сколько открыток понадобится, чтобы увидеть весь снимок целиком? Кого выбрать для следующей открытки? Чем больше она размышляла, тем сильнее колотилось сердце. На нее обрушился, напал, захватил мощными лапами в свои объятия неуправляемый азарт. Стены офиса, которые всегда давили на нее так, что она чувствовала себя как в подводной лодке, вдруг раздвинулись, распахнулись. Заплясали хороводом перед глазами лица – недовольные, брезгливые, ворчливые. Зазвучали обвинения, жалобы и указания. Закрутилась разноцветная карусель-волчок – кто следующий, кого выбрать в разнокалиберном офисном оркестре, где ни один из музыкантов ей не симпатичен?

В общем неслаженном хоре одна мелодия отличалась четкостью и постоянством и оттого звучала дико и неестественно, как волна в океане, вдруг решившая сама по себе выдерживать строгий ритм и размеренность, без оглядки на соседок. Каждый раз, встречая Юру Суханова, Софья представляла себе мальчика со скрипкой, который разучивал бодрые гаммы, стоя посреди вещевого рынка. Его толкали локтями грузные бабы, больно били клетчатые сумки, перекрикивали визжащие рекламные голоса динамиков и окутывали тошнотворным запахом тележки ржавых беляшей, а он все так же спокойно и сосредоточенно водил смычком по струнам. Суханов всегда пребывал в одинаково ровном расположении духа и был безупречно вежлив, хоть правила этикета на нем изучай. Костюмы на его подтянутой фигуре сидели идеально, ботинки могли бы выиграть конкурс на звание самых чистых. Он назубок знал всевозможные правила – проектирования, оформления документов, внутреннего распорядка института и умудрялся всегда им следовать. Софью это выводило из себя, просто бесило. Ну не парадокс ли – Юра был единственным, кто пытался ей помочь, а она его на дух не переваривала, даже больше, чем Ванду. Ходячий нормативный документ, Знайка, сухарик без единой изюминки – такими эпитетами «любовно» награждала его Софья. Она была уверена, что если снять его кардиограмму, то окажется, что сердце бьется в полном соответствии с описанием здорового ритма в учебнике кардиологии.

Софья решила нанести удар по тому самому, в чем, по ее мнению, воплощался весь Юра. На следующий день его с утра провожали любопытные взгляды. Подозрительно много сотрудников хотели лично у Суханова подписать бумаги, так и толпились в дверях.

- Отличный галстук! – сказал Юре на совещании Шалтай-Болтай. – Дети подарили?
- Они у меня еще маленькие, – с удивлением ответил Юра.
- Ну так а я о чем, – улыбнулся директор. – Надо же, как вы их любите.

В приемной Юра долго разглядывал себя в зеркале и пожимал плечами. Секретарша Леночка болезненно морщилась.

- Юрий Борисович, вам кофейку сделать? – заботливо спросила она.
- Спасибо, не надо.

К обеду весь офис знал, что самый элегантный и собранный начальник отдела пришел сегодня на работу в желтом галстуке с микки-маусами. Версия директора казалась самой правдоподобной, пока кто-то не вспомнил, что Юриным детишкам годик и три, и вряд ли они могли подарить папе галстук. Кто-то предполагал, что Суханов поспорил с кем-то на крупную сумму или, что было больше на него похоже, честно исполнял фант с каких-нибудь посиделок. Сам Юра на вопросы не отвечал, только подходил к зеркалу и с недоумением разглядывал галстук.

Фотография Софье сюрпризов не преподнесла – полосатые штаны проявились выше колен, но и только. Но она все равно захлебывалась от восторга – открытка не просто действовала, она работала именно так, как было задумано. Она веселилась от души, но на глаза Юре старалась не показываться. Где-то в самой глубине души ей было немножечко, самую капельку стыдно.

К вечеру хлебная крошка стыда раздулась до пирога огромных размеров. Еще утром, до начала рабочего дня, она с целью эксперимента забрала открытку со стола Фаниса. Он явился на работу во всем новом и хрустящем – от белоснежной рубашки до ботинок, был коротко подстрижен, гладко выбрит, и аура одеколонного запаха вокруг него была такой плотной, что хотелось ее пощупать. Уселся на место, повел носом и с облегчением вздохнул. Софья тогда еще задумалась: если убрать открытку, ее действие прекратится?

– Интересно, в командировку к заказчикам Суханов тоже в этом галстуке поедет? – услышала она в коридоре ближе к вечеру и тогда не выдержала.

Она собралась с духом и постучалась в кабинет Юры. Он что-то читал с монитора и бесшумно отпивал кофе из маленькой белой чашки.

– А, Софья Павловна, заходите. Не хотите со мной кофе выпить или чаю?

– Нет, спасибо. Я вас не отвлекаю? – Софья оглядывалась вокруг: где же открытка?

– Да нет, я на сегодня уже почти все закончил.

– Вы не находили сегодня такой яркий пакет на крыльце? С открыткой?

– А, так это вы потеряли. А я утром подобрал, подумал, повешу объявление «Кто потерял» и совсем забыл, закрутился. Сейчас.

Мгновение, когда он открывал ящик стола, для Софьи растянулось на несколько бесконечных минут. Ее вдруг посетила тревожная мысль – вот сейчас она заберет открытку, и Юра увидит свой галстук таким, какой он есть на самом деле, – ярко-желтым с разноцветными микки-маусами, а не таким, каким он ему мерещился целый день, – серым в элегантную строгую клетку. Он ведь даже не вспомнит, как утром передел его под действием хитро устроенной открытки.

Не будет ли это слишком сильным потрясением для его упорядоченной натуры? С одной стороны, может, вышибет, наконец, из этого сухаря хоть каплю эмоций, а с другой... Софье вдруг стало его жалко. Он ведь помогал Софье, пусть по долгу службы и в силу прирожденной интеллигентности или воспитания, но все равно помогал.

Юра достал пакет с прикрепленной открыткой и положил на стол – аккуратно, вровень с краями стола.

– Знаете, а я, пожалуй, выпила бы чашечку чая, – неожиданно для себя произнесла Софья.

– Хорошо. – Он кивнул, поднялся и направился к чайному столику.

– Такой сухой воздух в нашем кабинете. Все время пить хочется, – оправдывалась Софья.

– Попросите, чтобы вам поставили увлажнитель. У вас вообще помещение вредное, особенно для молодых девушек. Тонер, грохот этот. Поговорите с директором, может быть, он найдет для вас отдельный кабинет.

Юра поставил перед ней чашку. Наклонился и протянул вазочку с сахаром. Кончик галстука свесился на стол. Вот сейчас самый подходящий момент. Решительным жестом Софья толкнула чашку локтем, и по галстуку расплылось коричневое пятно.

– Ой, извините, пожалуйста, я сейчас ваш галстук постираю.

– Ничего страшного, я вам еще налью. – Он снял мокрый галстук.

– Спасибо, не надо, я сейчас, быстро. – Она вырвала у него из рук галстук, схватила со стола пакет с открыткой и выскочила за дверь.

В пакетике из диснеевского магазина, как она и ожидала, лежал аккуратно сложенный обычный серый Юрин галстук. В туалете она быстренько сполоснула кончик галстука и немного подержала под сушилкой.

– Надо же, а я думал, чай так легко не отстирывается, – удивился Юра, когда она вернулась.

– Главное, сразу же сполоснуть, как только испачкался.

– Спасибо. А то у меня к этой рубашке больше ни один галстук не подходит. А этот такой удачный, сегодня все его замечают.

Софье захотелось где-нибудь спрятаться. Ну зачем она выбрала его? Страхи, значит, вскрываются открытками? Бедный Юра даже не способен понять, что над ним смеются. Нет, все-таки шутить над ним было слишком жестоко. Над такими не шутят.

Вслух она сказала:

– Не за что. Я пойду, у меня работа.

Она вышла за дверь, все еще сжимая в руках пакет с диснеевским галстуком. Где-то в глубине ленивой тушей ворочалось смутное разочарование.

В ящик ее стола легла третья открытка. Каждая следующая открытка нравилась ей больше, чем предыдущая, но Софья любила их все вместе, как детей, со всеми их недостатками, любила тайком пересматривать, когда никто не видел. Открытка для Фаниса была самая сложная – многослойная, с травой и картонным заборчиком, похожая на детскую книжку-раскладушку. На заборчике приклеился телевизор, из него торчала голова известного юмориста, который страшно раздражал Софью. Худшее, что можно было с ней сделать, кроме вынужденных визитов к психотерапевту, – это заставить смотреть телевизор. Жадные лапы телевидения были не такими цепкими, как тонкие щупальца психотерапевта, они притягивали потихоньку, исподтишка, но крепко, будто сделанные из липкой резины. Корова смотрела на юмориста огромными испуганными глазами, пушистые ресницы удивленно выгибались. Под коровьим задом нарисованный пар клубился над кучкой навоза. Подпись снизу гласила: «Наши цены удивляют!»

Открытка для Юры была проще. Она изображала веселый клетчатый пиджак, под ним – ядовито-оранжевую рубашку и повязанные на «шее» два галстука, один под другим. Сверху – классический, серый, чужой на этом празднике красок, а под ним – яркий, желтый с микки-маусами. На кармашке пляшущим разноцветным шрифтом была выведена простая и понятная надпись: «Надень меня». Сначала она хотела изобразить Незнайку – кого же еще нарисовать на открытке для сухаря-Знайки? Потом вспомнила яркую картинку из любимой детской книжки, где Незнайка был в оранжевой рубашке и синей шляпе, и решила, что будет достаточно только предметов гардероба.

Все-таки интересно, как бы Юра отреагировал, если бы увидел веселых желтеньких микки-маусов на своей классической рубашке?

Софья никак не могла успокоиться. Снова и снова перебирала открытки, гладила их, вглядывалась в детали и точно так же перебирала мысли, одну за другой. Где граница? Где та грань, которую может переступить человек под влиянием открытки, под действием того волшебного потока, который она вкладывает, упаковывает в каждую деталь? Она не остановится, пока не узнает. Это все равно что надорвать упаковку от подарка, увидеть край коробки и отвернуться. Или начать смотреть увлекательный фильм и бросить на середине.

Пожалуй, с открытками как с формой надо завязывать. Это может стать подозрительным. Надо придумать что-то другое. Ведь не картонка же так действует на людей, в самом деле. И кто будет следующим?

– Добрый день! – В комнату колобком вкатился щекастый толстячок, почесал не по возрасту рано лысеющую макушку и на ходу отметил что-то в карманном компьютере.

Достоевский, как прозвали его коллеги, в офисной симфонии исполнял этюд на пиле – его терпеть не мог никто в офисе. Как только он выходил из комнаты, все дружно вздыхали с облегчением, даже невозмутимая Ванда. Софья все время забывала его настоящие имя и фамилию и о его обязанностях имела понятие весьма смутное. Но была уверена, что в его организме имеется орган, которого нет у нормальных людей, – орган занудства. Если попросить такого человека сварить макароны, то он поинтересуется, сколько литров воды налить, сколько штук макаронин положить и сколько миллиграммов соли, как правильно определить момент закипания воды и как включить плиту. Все это он тщательно запишет, на всякий случай прочитает штуки три кулинарных энциклопедии, целый день будет составлять план, а потом еще столько же – отчет. И если бы речь шла о макаронах! Достоевский нападал на документы въедливо и жадно, как ржавчина на старый автомобиль, проникал в каждую строчку и расспрашивал про каждую закорючку, заглядывал в чужие мониторы и все время что-то записывал в карманный компьютер.

– Вот здесь план на завтрашний день, – он листал какую-то книжку. – Я бы инвентаризацию картриджей перенес на самый конец рабочего дня, а то утром отвлекать будут. И потом, что это за пункт – «записаться в солярий»?

– Положите, пожалуйста, на место, это же мой ежедневник! – Олечка вырвала книжку у него из рук.

– Ты бы лучше с утра пораньше в солярий записалась, а то вдруг все уже будет занято, – миролюбиво ответил тот. – Вы бы хоть книжки какие почитали, как правильно дела планировать.

Софья поспешно захлопнула ящик стола и обратилась к Достоевскому:

– Как хорошо, что вы зашли! У меня к вам как раз есть дело.

В конце концов, он сам наприсился.

* * *

После ночи с Аликом Инга чувствовала себя не в своей тарелке. Она, как обычно после совместных вечеров, легким облачком летала по квартирке, полная сил, в пять минут проворачивала дела, на которые у некоторых домохозяек ушла бы пара часов. Но открытка с каруселью не давала покоя. Едва Инга проснулась, как тут же ощутила ее присутствие. Как будто в тумбочке бомба лежит и вот-вот взорвется. Она твердо решила, что будет крутить нарисованную карусель до тех пор, пока не разгадает ее секрет. Только приведет сначала дом в порядок. Нельзя же сосредоточиться на таком важном деле, когда на столе невооруженным глазом можно разглядеть слой пыли, а в раковине лежит немытая посуда.

– Ррработай! Давай, ррработай! – скрипучим голосом подбадривал Павлик. – Павлуша – прррррелесть!

Несмотря на привычные дела и обычное после уборки домашнее умиротворение, ее не оставляло странное неприятное ощущение. Так бывает перед гриппом – вроде и горло еще не болит, и нос свободно дышит, а есть легкий намек на ломоту в костях, и тело охватывает непонятная слабость, от которой хочется отмахнуться рукой. Не хватало еще сейчас заболеть! Инга уже собиралась взяться за открытку, как вспомнила, что в корзине лежит куча грязного белья.

Она начала закидывать вещи в стиральную машинку, по привычке проверила карманы джинсов и нащупала мятую картонку. Достала, расправила – это же открытка с подружкой Розой!

И тут же крохотная капля загадочного намека превратилась в волну беспокойства, накатила, захлестнула с головой. Инга заерзала на месте, вскочила, сделала круг по квартире, вернулась в ванную и принялась запихивать в круглую дыру стиралки все подряд, не разбирая цветов и не проверяя карманов. Засыпала порошок, нажала кнопку, барабан с плеском заворочался. Она села прямо на пол, подняла открытку, повертела, разглядывая со всех сторон.

– Ну, как ты работаешь? Давай, признавайся!

Она разгладила ладонью обертку от шоколада. «Красный Октябрь»... Интересно, какой он был на вкус? Мама часто приносила домой такие шоколадки, но вкуса Инга не помнила, она вообще не очень любила сладкое. Нет, шоколадная обертка – это не то. Она потрепала пальцем бумажную розочку. Поднесла открытку к лицу, понюхала. Запах старой пыльной бумаги оказался нестерпимо сильным, спиралью ворвался глубоко в легкие, заполнил их до отказа, так что закружилась голова. Инга прислонилась к стене, но вместо прикосновения холодного кафеля ощутила мягкое тепло.

Она поняла, что лежит в постели, но не спешила открывать глаза. Пахло табачным дымом, шоколадом и какими-то очень старыми, с детства знакомыми духами. «Красная Москва» – само собой всплыло в голове название. Уют втекал в тело, наполнял его до самых кончиков пальцев ног, было необыкновенно хорошо. Ее обнимала чья-то очень мягкая рука. Инга ощутила легкое, щекотное прикосновение к груди и открыла глаза. С лепнины на потолке на нее смотрел маленький белый ангелочек. Еще в комнате обнаружился шкаф с покосившимися дверцами, комод с витыми коваными ручками и массивное зеркало над ним. Снаружи проникал унылый серый рассвет. Большое окно пополам разделяла резинка, на которой слегка колыхалась кружевная занавеска в рыжих пятнах. Рядом лежала девушка, хорошенькая брюнетка, запах духов исходил от ее волос.

– Марта, – прошептала девушка. – Марта, я тебя люблю. Это очень плохо, да? Что с нами будет?

– Успокойся, Розочка. – Инга не узнала свой голос, низкий и хриловатый. – Все будет хорошо.

Роза улыбалась, крохотная родинка в уголке рта придавала улыбке особенный оттенок, напоминая о тех лишь по романтическим фильмам знакомых временах, когда в моде были мушки.

– Ты сделаешь мне открытку? На память? Я так хочу сохранить эту ночь.

– Конечно, деточка моя.

Она приподнялась в постели, протянула руку к тумбочке, взяла пачку сигарет. Рядом с коробкой спичек лежал букет из крохотных бумажных розочек.

– Не кури. Пожалуйста, не кури. Не надо.

Хулиганская теплая ладошка заскользила по телу, потом вдруг подпрыгнула и выхватила сигарету. Инга хотела возмутиться, но рот ей заткнули мягкие, нежные губы. Вкусно, как мед. Она целовала цветок – благоухающий, полный утренней свежести, и впитывала, пила губами его воздушную красоту. Фиолетовые лепестки дрожали на солнце, с них капал сладкий, опьяняющий нектар. Инга вздрогнула от неожиданного грубого прикосновения внизу живота, отстранилась и прильнула снова, а цветочная волна с неженским напором прорывалась глубоко внутрь, к самому сокровенному, беспощадно давила смутный страх, чтобы взорваться там пляшущим фейерверком, рассыпаться в миллионы искр и собраться снова в одну цветущую поляну. И вот она уже лежит в море цветов, ее окутывает сладкий, тонкий аромат, ласкают, щекочут родные, любимые руки, и солнце ласково греет щеки, и хочется остаться на цветочной поляне навечно, только что-то мешает, что-то навязчиво шумит... что это за грохот?

Инга открыла глаза и увидела, как крутится в машинке ворох разноцветного белья. О, нет! Яркое пятно любимой желтой кофточки прямо рядом с джинсами. Как ее угораздило засунуть все это вместе, полиняет ведь! Остановить стирку, слить воду, или уже поздно? Из рук выпала открытка, и разом нахлынуло воспоминание: занавеска в желтых пятнах, запах духов и шоколада, черный локон на груди, все это было или не было? Так вот почему тетя Марта никогда не была замужем! Эти женские руки... женские губы – такие реальные, теплые, такие настоящие. По телу прокатилась волна сладкой истомы, сжались самопроизвольно бедра, и тут же загорелись огнем щеки. Дио мио, какая гадость! Две девицы в постели, это так противостоестественно, так нелепо, просто отвратительно. Она никогда не думала, что так бывает, что так может быть, что и она тоже... как стыдно... или не она, или это все воспоминание? У Инги закружилась голова. Она поднялась и умылась холодной водой.

Черт с ней, с постельной сценой, о ней можно подумать потом. Надо найти Розу! Эта женщина должна знать что-то о чудесах с альбомом и открыткой, если, конечно, еще жива. Но как? Тетя Марта точно не скажет ее фамилии, особенно когда узнает, что Инга стащила у нее открытку.

Целый день она проторчала в Интернете. К счастью, мама и тетя Марта учились в одной школе, номер которой Инга помнила, так же как и название техникума, где училась тетя. Она регистрировалась от имени тети Марты в Одноклассниках и других социальных сетях, перебирала сотни фотографий, разглядывала знакомых и друзей ее одноклассников и одноклассников и знакомых их знакомых, но нигде не встречала брюнетки с родинкой в уголке рта. Она заходила на сайт городского театра, разглядывала архивные фото, но и там не было никого похожего. Она спрашивала у всех подряд однокашников тети Марты: «Ты не знаешь, где сейчас Роза?» – но у тех, кто был в онлайн, ответ оставался неизменным: «Какая Роза? Ты кого имеешь в виду?» Судя по имени и внешности, Роза наверняка была еврейкой. Кто знает, может, она давно уже живет где-нибудь в Израиле или в Америке, растит внуков и не помнит никакой Марты. Поискать по сообществам русскоязычных израильтян и американских евреев? За этим занятием можно всю жизнь провести. Сходить в театр, может, престарелые разговорчивые гардеробщицы или билетерши что-нибудь расскажут? Это мысль! Может, и про открытку в театральной среде что-нибудь знают? Инга глянула на часы – половина одиннадцатого, все представления уже наверняка закончились. Надо будет взять завтра билет и сходить на спектакль, пообщаться.

– Где же ты, моя подружка Роза, – бормотала Инга про себя, снимая с сушилки подсохшее белье. Желтая кофточка, *grazie al cielo*,⁵ совсем не полиняла. Если она совсем ничего не узнает в театре, что делать тогда? Выпытывать что-то у тети Марты? Бесполезно. Единственное, что у нее есть, – старая мятая открытка. И снова зашевелилось внутри, проснулось что-то непонятное, чудовищное, болезненное, такое, что хотелось его прогнать прочь и рассмотреть поближе одновременно. Инга задумалась, замерла с кружевными трусиками в руках. Возможно, она что-то не разглядела там, внутри открытки? Тогда придется еще раз заглянуть в нее. Это было сродни тому, как в детстве тайком от родителей брать книжки и журналы с самой дальней «взрослой» полки. Даже хуже – ведь это была не запретная книжка! Она не просто подглядывала за чужим интимом, она бесцеремонно влезала в чужую постель. И потом, эти ласки... это яркое ощущение цветочного луга, умопомрачительной свежести, она никогда не испытывала ничего похожего в реальности. И, кажется, не хотела испытывать. В этом было что-то ненормальное, что-то сводящее с ума, она теряла контроль сначала над крохотной частичкой себя, потом еще над одной, и еще один раз нырнуть в открытку – это как провалиться в темную бездну, отдать саму себя рвущемуся наружу безумию.

⁵ Слава богу (*ит.*).

Она принялась быстро срывать белье, складывать в аккуратную стопочку трусики, маечки, белоснежные носки, лифчики, последней сняла желтую кофточку. Кристофоро Коломбо, но ведь это же шанс! Быть может, единственная зацепка во всей этой странной истории. Она не сможет ни заснуть, ни отвлечься, ни думать о чем-то еще, пока не попробует даже самую крохотную возможность что-то узнать. Инга решительно сгребла в охапку белье, хлопнула дверью балкона и бросилась к открытке. Сердце колотилось, в ушах мерно шумело, щеки пылали огнем. Она уселась в кресло, поднесла открытку к лицу и глубоко вдохнула.

Запах старой бумаги сделал свое дело. Привычное головокружение, мгновение в пропасти, и снова пахнет духами, снова мягкая постель и мгновенно ставшее родным тепло рядом. Инга открыла глаза и принялась разглядывать обстановку. Она хотела бы сейчас вскочить, перерыть ящики комода, найти сумочку Розы или прямо и бестактно спросить у нее: «Как твоя фамилия, я забыла?» – но, увы, сделать что-то, не предусмотренное воспоминанием, было невозможно. Ни руки, ни губы не хотели ее слушаться. Она могла только разглядывать обстановку и впитывать в себя мельчайшие детали. Теперь, уже не такая ошарашенная, она замечала вокруг гораздо больше. На полосатых обоях висела фотография пожилой пары в деревянной рамке. Рамку украшала табличка с гравировкой, если приглядеться, можно прочесть год и фамилию, вроде бы «Рабинович». Да, «Роза Рабинович» – это, конечно, лучше, чем просто «Роза», или, к примеру, «Катя Иванова», но уж лучше бы у нее была более редкая фамилия. Была же у нее одноклассница «Вайншельбит», ну почему эта чертова Роза оказалась «Рабинович»?!. Что еще? Что-нибудь, что указывало бы на профессию этой Розы или ее родителей? Обстановка в комнате для тех времен, насколько могла судить Инга, не самая бедная, но и далеко не роскошная. Комната находится в старом доме, может, и в сталинском, а может, и в дореволюционном. Кто знает, может, этот дом уже давно снесли. Нижняя половина окна закрыта занавеской. Вот если бы приподняться, можно было бы увидеть соседний дом. Ага, сейчас она потянется за сигаретой, у нее будет мгновение, чтобы посмотреть в окно, пока вид не скроется за роскошными черными кудрями Розы. Инга сосредоточилась. Рука нащупывает на тумбочке пачку, что там, за окном? Вывеска! Универмаг! Конечно, самый старый городской универмаг. Теперь он называется центром торговли и развлечений, окна заменили на пластиковые, на стенах висят рекламные растяжки, но он все еще стоит. И старый дом напротив, еще дореволюционной постройки, тоже цел. Первый этаж заняли элитные бутики, а на втором, кажется, еще живут. В любом случае, это уже кое-что. Можно будет поднять городской архив, у Инги были там знакомые. И снова отвлекли ее от мыслей сладкие цветочные губы, и она провалилась на благоухающий луг, и снова терзала ее непонятная, смутная боль, словно Инга отдавала положенную плату за бесценную информацию.

На сей раз ее вернул к реальности острый запах гари. Инга аж подпрыгнула на месте: ну что опять горит? И вздохнула с облегчением, когда обнаружила, что на плите томится почерневшая кастрюлька, из которой давно выкипела вода.

Поиски в Интернете опять ничего не дали. К несчастью, прабабушку Сильвестра Сталлоне (родом из Одессы) тоже звали Розой Рабинович, и все поисковые сервера, как сговорились, выдавали ссылки исключительно на эту знаменитую прабабушку. Знакомый из архива, как назло, оказался в отпуске. У Инги не было времени ждать, и уже на следующее утро она отправилась в универмаг. Поднялась на второй этаж, посмотрела на дом напротив и прикинула, из каких примерно окон могло быть видно старую вывеску. Как она выглядела и где находилась, Инга прекрасно помнила с детства – в универмаге был самый большой отдел игрушек. Она обошла дом – три подъезда. Сердце бешено стучало. Если сейчас окажется, что эта Роза и в самом деле существует, значит, не такая уж Инга и сумасшедшая. К счастью, кодовый замок на двери ближайшего подъезда оказался сломан. Она поднялась на второй этаж. Скорее всего, это одна из двух выходящих на улицу квартир этого подъезда или соседняя квартира следующего. Одна дверь была внушительная – металлическая обшивка под полированное дерево,

откосы аккуратно заштукатурены и покрашены, сразу видно – солидные люди живут. Другая дверь оказалась попроще, не допотопная, но дешевая – обитая вагонкой и покрытая лаком. Перед ней лежал старый вытертый коврик. Инга некоторое время поколебалась и повернулась к дорогой двери. Вместо звонка у косяка светился глазок камеры домофона. Она нажала кнопку. Раздался оглушительный собачий лай, потом из динамика послышался тонкий женский голос:

– Вы к кому?

– Здравствуйте! – обратилась Инга к динамику. – Я ищу одну... пенсионерку, по просьбе старой подруги. Ее звали Роза Рабинович, она жила здесь много лет назад.

– Я не знаю никаких Рабиновичей! Мы недавно переехали!

Динамик отключился. Инга развернулась и позвонила во вторую дверь. Через некоторое время послышалось шарканье.

– Кто там? – спросил усталый женский голос.

– Здравствуйте! Я ищу Розу Рабинович! – громко сказала Инга.

Дверь приоткрылась, из-за цепочки выглянула женщина. Инга обомлела. Как будто ожившая Роза с открытки, только лет на пятнадцать старше и какая-то уставшая – синяки под глазами, уголки рта опущены, неулыбчивые морщинки – как неудачные штрихи карандаша на портрете. Но родинка, задорная родинка возле верхней губы, точно такая же! Неужели она? Нет, не может быть, с тех времен прошло лет сорок, не меньше.

– Здесь такие не живут, – произнесла женщина, оглядывая Ингу с ног до головы.

– Может быть, она жила здесь раньше?

– Извините, я не знаю.

Она уже собиралась закрыть дверь, но Инга поспешно вставила в щель носок ботинка.

– Девушка! Что вы себе позволяете! – возмутилась хозяйка. – А если я милицию вызову?

– Пожалуйста, – попросила Инга, вытащила из кармана открытку и протянула в щель. – Посмотрите! Вы же просто ее копия, вы не могли ее не знать.

– Уберите ногу.

– Я вас очень прошу. Мне очень нужно ее найти.

– Да уберите же ногу, я сейчас сниму цепочку и впущу вас.

Она послушно убрала ногу и вскоре оказалась внутри.

– Проходите в комнату, – пригласила женщина и вздохнула. – У нас будет долгий разговор.

Инга вошла, огляделась. На первый взгляд, комната выглядела совсем по-другому – пошловатые обои в крупных цветах, плотные тяжелые портьеры с потолка и до самого пола, пушистый ковер под ногами. Но взгляд сразу выхватил из обстановки детали – ангелочек на лепном потолке, потертый комод с витыми коваными ручками, пожелтевшая фотография в деревянной рамке с табличкой. Инге показалось, что шторы на окне растворяются, превращаются в тонкие белые занавески с желтыми пятнами, что еще мгновение, и она увидит вывеску старого универмага за окном. Она сглотнула и схватила себя за кончик уха. Перед глазами прояснилось, и она заметила, что женщина внимательно разглядывает ее.

– Прошу вас, садитесь, – предложила хозяйка. – Так зачем вам нужна моя мать?

* * *

Третий день Софья ловила себя на мысли, что собирается на работу с удовольствием. Да что там с удовольствием! Она ждала каждого нового дня с таким нетерпением, что не могла заснуть. До самых кончиков ногтей ее охватывал фантастический азарт. Ей было неудобно, как толстяку в балетной пачке, но она никак не могла избавиться от этого состояния. Софья сама не знала, от чего больше захватывает дух: от действия открыток или от мысли, что, быть может, очень скоро она увидит фотографию целиком и узнает человека на ней. Софья посмотрелась

в зеркало – под глазами синяки, сказались три бессонные ночи за столом, румяна прилипли к бледной веснушчатой коже необузданными дикими пятнами, глаза сверкали лихорадочным блеском. Одно слово: ведьма!

Мама за завтраком смотрела обеспокоенно, пыталась положить кусок омлета побольше в тарелку. Отец искоса поглядывал из-за газеты и делал матери какие-то знаки. Мол, ничего-ничего, привыкнет. Если бы он только знал, во что превратилось «идиотское хобби» его дочери!

Сегодня Софья почти совсем не спала. Сделала две открытки, одну из которых она мечтала вручить, а другую – несколько побаивалась отдавать.

В офисе перед началом рабочего дня она сидела у себя за столом и разглядывала своих «новеньких». По правде говоря, одна открытка даже не была открыткой. Вчера она совершенно откровенно попросила у Достоевского распечатать табличку со списком дел из его карманного компьютера.

– Зачем? – удивился тот.

– Понимаете, я вечно что-нибудь забуду или перепутаю. И в записях у меня всегда страшный бардак. А у вас так все аккуратно расписано, все по плану, по распорядку, я хочу у себя сделать так же.

Достоевский ее просьбе не удивился. Сам распечатал для нее несколько страничек – план на ближайшие три дня – и долго, нудно объяснял, как правильно организовать дела. Софья растворялась, пропускала мимо ушей принципы тайм-менеджмента, советы по оформлению, схемы и обозначения. Она впитывала собеседника, как промокашка – чернила, стала отражением, воском, приняла его форму. И с облегчением скинула ее, когда он наконец-то закончил. Эта шкура была из самых неприятных, что ей довелось на себя примерять. По правде говоря, не то чтобы она вызывала отвращение сама по себе, но для Софьи это было все равно, что овце примерить на себя слоновий хобот, слишком не подходило к ее натуре.

Как Софья и ожидала, Достоевский появился в отдел с самого утра и тут же направился к ней.

– Ну как успехи? Составили план?

– Ага. – Она мило улыбнулась и протянула ему страничку.

– Интересно-любопытно.

Он долго разглядывал листок. В списке дел не было ровным счетом ничего необычного, Софья действительно планировала все это сегодня сделать. Все по списку и кое-что еще. А вот над оформлением «страницы блокнота» она потрудились от души. В верхнем правом углу сидела пупырчатая зеленая лягушка. Почему именно лягушка, она бы и сама не смогла сказать – просто нарисовалась и все тут. Один глаз у лягушки был небесно-голубым, а другой – огненно-красным. В обоих глазах вместо зрачков светились вопросительные знаки, а растопыренная лягушачья лапа держала весы. На одной чаше весов лежали горкой цифры в разных позах, а на другой – кучка круглых глаз. Трудно было представить себе издательство, готовое выпускать блокноты с такими психоделическими картинками, но Софья об этом как-то не задумалась.

– Что-то мне нехорошо. Голова кружится. Наверное, надо витаминов купить... – Достоевский положил листок на стол.

– Ну как? – спросила Софья.

– Что как?

– Мой список?

– А, список... неплохо. Я, пожалуй, пойду, у меня еще есть дела. Так-так, что у нас там по плану... и надо записать насчет витаминов.

Достоевский достал карманный компьютер, потыкал в экран стилусом. Каждое его движение сопровождалось тоненьким хихиканьем из динамика. Лицо его приняло глуповато-оза-

даченное выражение, как будто он решал кроссворд. Он потер затылок, сел на свободный стул и нажал кнопку выключения. С тихим писком наладонник выключился и по следующему нажатию кнопки включился снова. Достоевский снова потер затылок и принялся тыкать в экран стилусом, сперва медленно, потом все быстрее и быстрее, потом тихо выругался и пробормотал:

– Да что за ерундень такая! Вирус, что ли.

– Дайте посмотреть. – Софья подскочила к нему, пожалуй, слишком поспешно, и заглянула через плечо.

Он выбирал в меню кнопку «Органайзер», но вместо списка задач открывалась странная игра. На ярко-зеленом фоне плавало с десятков плотно сжатых кулачков. Сверху мигала надпись: «Угадай!» Достоевский тыкал в кулачок, тот раскрывался и оказывался пустым, потом складывался в кукиш, и раздавалось хихиканье.

– У меня есть копия в компьютере, пойду к себе, – пробормотал он и вышел.

– Может, посмотрите мой список подробнее? Что-то наверняка можно... э-э-э... оптимизировать? – попросила Софья, протягивая ему листок.

Он сунул его в карман, машинально кивнул и вышел, почесывая затылок. Софье нестерпимо захотелось пойти за ним. Но Барракуда сегодня была на месте, первый день, как пришла после вынужденного отдыха, и теперь так и зыркала со своего места. Яркая тропическая рыбка чудесным образом превратилась в блеклую селедку – серая блузка, строгая черная юбка, никаких украшений, минимум косметики и даже лак – непривычного серого оттенка, но менее ядовитой от этого не стала. Софья кожей чувствовала волну неприязни. Каждый раз, когда Ванда проходила мимо, у нее возникало чувство, что мимо промчался грузовик и с ног до головы обдал ее жидкой вонючей грязью. Признаков склероза и слабоумия Ванда больше не проявляла, но почти все время помалкивала.

Фанис, все такой же чистый и благоухающий, напротив, сегодня был разговорчив как никогда.

– Вот бы сейчас молочка... настоящего, парного, тепленького. Надоело... в пакетах химия одна, с водой разведенная. Когда от своей коровки молоко пьешь, совсем другое дело.

– А лучше в Турцию, на пляж, и чтобы «все включено», – подхватила Олечка.

– Соскучился прямо по нашей буренке. Уж очень морда у нее добрая и глаза понимающие. А еще помню, утром встанешь, рано, когда солнце только еще собирается взойти, а вокруг воздух – чистый, аж звенит, – мечтательно продолжал Фанис. – Птички поют, и кругом так свежо-свежо, и вдыхаешь, никак не можешь этой свежести наглотаться. Полный ништяк. А здесь что – бензин да машины шумят. Тьфу...

Софья подумала, что кучка рекламных проспектов на его столе вот уже три дня лежит нетронутой и не пополняется новыми экземплярами. Слишком хорошо она запомнила верхнюю газету – ярко-красную, с настырной улыбкой популярного телеведущего на первой странице.

Все утро она с трудом сдерживала желание найти какой-нибудь повод и сходить к Достоевскому. В обед она бродила по столовой с подносом в руках и не столько прислушивалась, сколько улавливала, подобно антенне, где говорят о том, что может быть ей интересно. Когда она взглянула на стол, где обедали компьютерщики, по рукам побежала теплая волна, и она присела за соседний столик, к счастью, свободный.

– Вирус, видимо. Главное, в списке процессов ничего подозрительного нет! И в Интернете описания похожего нет, – разводил руками бледный худой парень в мятом пиджаке.

– Новый, наверное, – отвечал ему уса́тый толстяк в свитере с оленями. – И где они их только берут! Надо, на фиг, закрыть всем доступ в инет и порты все поотключать. Поубивал бы... Кулачки, говоришь?

– Ага, игрушка дурацкая, причем срабатывает исключительно на планировщик. И фиги показывает.

– Придется ему после обеда систему переустановить с нуля, – вздохнул первый.

«Не поможет», – подумала Софья и поморщилась, проглотив ложку супа. Одни бульонные кубики, китайцев на заводах и то небось лучше кормят. В комнату для топ-менеджеров, которых кормили отдельно, проскользнул Альберт Фарисеевич, и с кухни послышалось зычное:

– Таня! Виповской лапши налей!

«Ничего, попробует он скоро элитной лапши», – злорадно усмехнулась про себя Софья, отодвинула тарелку и нащупала в кармане пиджака открытку. Как бы улучшить момент?

Рабочий день уже давно перевалил за половину, когда в отдел ворвалась возбужденная Лилечка и тут же посеяла вокруг себя суматоху и волнение.

– Там такое! Такое! – кудахтала она. – Никогда такого не видела!

Ванда подняла голову и спокойно спросила:

– С Достоевским?

У Софьи внутри все похолодело. Неужели она догадалась?!

– С ним! – продолжала Лилечка. – Он плачет! Представляете, сидит и плачет! Натуральными крокодильими слезами!

– Не крокодильими, а крокодиловыми, – поправила Ванда. – Софья Павловна, вы об этом что-нибудь знаете? Уж не ваш ли список дел так его расстроил?

– Вряд ли, – ответила Софья, сжав под столом кулаки так, что ногти больно впились в кожу. – Наверное, переработал. Синдром хронической усталости.

Последние ее слова заглушил страшный грохот и женский визг где-то наверху. Софья, Лилечка и Ванда одновременно бросились к двери и, не сговариваясь, помчались в кабинет, где работал Достоевский.

В коридоре уже толпились люди. Кто-то предлагал позвать директора, кто-то кричал: «Вызовите скорую» – кто-то громким шепотом сообщал соседу: «Стул, стул в окно выкинул. Стекло разбил, ладно, внизу никого не было», – а другой ему отвечал: «Серегу чуть не убил! А все из-за вируса». Внутрь никто входить не спешил, все толкались снаружи. Софья, как бы ни было ей любопытно, нарочно чуть отстала от Ванды. Когда они пробрались сквозь толпу и оказались в комнате, ноги у Софьи обмякли, и она прислонилась к дверному косяку. От входа отлично был виден монитор, на котором светилась празднично-веселая надпись: «Угадай», под столом на корточках сидел тот самый бледный паренек из отдела информационных технологий, которого она видела за обедом. Вид у него был такой, словно он прятался от инопланетных монстров, которые вдруг вылезли из его любимой игры. На столе лежал знакомый листок с лягушкой. В разбитое окно врывался ветер, трепал приспущенные жалюзи, те жалобно скрежетали в ответ. Достоевский сидел на полу, глаза у него покраснели и опухли, вокруг наметившейся лысины вздыбились редкие волосики, на пухлом животе расстегнулась пуговица белой рубашки. Он обнимал себя за плечи, мерно раскачивался взад-вперед, тыкал пальцем в воздух, словно что-то считал, и бормотал: «Правила... У этой игры должны быть правила! Не может быть, чтобы не было правил».

Софью мороз пробрал по коже, она обняла себя руками, по телу пробежала мелкая дрожь. Забрать листок? Но как это сделать сейчас, когда все смотрят? Стена держала ее, как магнит скрепку, она не могла оторваться ни на шаг. Ванда между тем спокойно подошла к столу. Потыкала указателем мышки в кулачки, посмотрела на кукиши. Проглядела бумаги на столе и повернулась к Достоевскому:

– Стас, ты чего, а?

Ванда подошла к нему, села на корточки, заглянула в лицо.

– Стасик, миленький, что с тобой?

Он опустил руки и вдруг расхохотался. Шум голосов в коридоре замер. Скрипели жалюзи, колыхались неровные тени на полу. Вжались в свои кресла люди в комнате, испуганно смотрел из-под стола компьютерщик. В комнате стало нестерпимо холодно, сквозняк из окна пронизывал почти по-зимнему, захотелось подойти и захлопнуть окно, но Софья по-прежнему не могла сдвинуться с места. А Достоевский смеялся, все громче и громче, хохотал, захлебываясь, вытирал слезы. Ванда подняла ладонь и со звонким шлепком ударила его по лицу.

– Ты что? – Истерика сразу прекратилась.

– Что с тобой, Стас? Водички хочешь?

– Спасибо, не надо.

Он поднялся и подошел к компьютеру. Паренек под столом вжался в угол. Стас посмотрел на монитор, на мельтешение кулачков, положил ладонь на мышку. Закрыв глаза и наугад ткнул курсором. Кулачок взорвался, рассыпав по экрану миллионы цветных брызг. Открылась знакомая страничка планировщика со списком дел. Достоевский спокойно подтянул к себе свободный стул, уселся, наклонился под стол и сказал:

– Серега, вылезай. Все заработало. Спасибо, ты мне больше не нужен.

И уткнулся в монитор.

Софью бросило в жар, она машинально прикрыла руками щеки, словно пыталась потушить пожар. Она не сразу поняла, что произошло, но почувствовала исходящую от Достоевского волну. Да что там волну! Внутри него бушевал настоящий смерч, маленький ураган, нестерпимо жаркая стихия сжигала привычную, спасительную оболочку, как оберточную бумагу. Волшебный лист с планом работ сделал больше, чем она ожидала, – «подопытный кролик» сумел преодолеть свой страх. Достоевский принялся вытряхивать в урну пачку распечатанных страниц с графиками и таблицами. Когда Софья выходила из комнаты, он обернулся и весело подмигнул ей. Она внимательно посмотрела на него и поразилась. Вдруг разом он стал «своим», почти родным, как иногда бывает, если пойти вместе с незнакомым раньше человеком в трудный поход или оказаться в экстремальной ситуации. К нему протянулась ниточка, связала их на мгновение, чтобы тут же разорваться, но оставить ощущение взаимной, не поддающейся объяснениям симпатии. И так хорошо, так тепло стало на душе! Будто холодных каменных стен впервые коснулся лучик теплого весеннего солнца, и зажурчал чистый горный ручей, разгоняя застоявшуюся воду.

Она сбежала вниз по лестнице, как на пожар. Схватила сумочку и помчалась в туалет. И плевать она хотела на коллег, пусть думают, у нее прихватило живот от избытка впечатлений. Софья закрылась в кабинке, достала фотографию. На снимке обнаружились не две, а три фигуры! Один человек, в самом деле, оказался клоуном. Софья долго вглядывалась в его лицо. Чуть поплывшая нарисованная улыбка, серебристая шляпа-цилиндр, красный нос шариком, грустные глаза – где же они встречались? Она закрыла глаза, и тут же ворвалось новое воспоминание. Качели, взмах к небу, облака навстречу, крик восторга, и клоун в шляпе рядом, то улыбается ей, то грызет большой палец. «Все, что с нами происходит, уже когда-то было», – именно от него она впервые услышала фразу, которую так часто вспоминает. Вот бы снова найти его! Но где и как? На фото они держали друг друга за руки, клоун и девочка в белом платье. А рядом проявились очертания еще одной фигуры, женской, насколько можно было судить по форме. Пока что это был только силуэт, ни лица, ни одежды не разобрать. Общий фон тоже совсем не проявился, а Софья так надеялась увидеть на нем качели, узнать то место, попасть туда опять. Она все никак не могла оторвать взгляд от клоуна, смотрела и смотрела, как на живой огонь или водопад. Вползало, проникало вглубь что-то давно забытое, но очень родное, что-то из далекой прошлой жизни, что может случиться снова и обернуться неожиданным чудом.

До самого вечера офис походил на встревоженный улей. Из курилок валил клубами дым, беспрерывно кипятились чайники, а в отделе выпуска скучали копировальные аппараты и принтеры. Никто не работал.

Софья весь оставшийся день не находила себе места. «Вот это да!» – беспрерывно крутилось в голове, превращаясь в ритмичную безостановочную мелодию: «ВОТ-ЭТО-ДА-ВОТ-ЭТО-ДА-ВОТ-ЭТО-ДА!» Ванда из своего угла следила за каждым ее шагом. Ну и пусть ее... пусть следит. Софья разминала горячие пальцы, тихо отхлебывала ледяную воду, но огонь внутри не унимался. Она обнимала запотевшую бутылку обеими руками. Не азарт теперь охватил ее – она сама стала азартом. Подпрыгивающим шариком в рулетке, который определяет судьбу красного и черного, роковой картой в колоде Таро, выигрышным лотерейным билетом, который никому не хочет отдаваться. Ждать вечера, мансарды, волшебного потока было невыносимо, нестерпимо до боли. Офис снова душил ее. Но не как раньше, не той мертвой давящей хваткой, как душит жертву змея. Он лишал ее воздуха, как консервативный провинциальный театр не дает вздохнуть полной грудью талантливому актеру. Хватит. Хватит с нее офиса, нет больше терпения вытягивать эту фотографию по крупинке, нестерпимо хочется увидеть ее всю сразу, целиком, пора выходить на большую сцену.

Софья уже надевала куртку, когда в кармане пиджака что-то хрустнуло, и она вспомнила про последнюю открытку. Черт с ней, в другой раз отдаст. Разве что... Она достала из ящика стола конверт, подписала его и осторожно опустила внутрь открытку. Ее ожидания оправдались – на выходе, возле кабинки охранника, лежали на столе несколько пакетов от курьерской службы. Она так и знала, что в сегодняшней суматохе Леночка забудет вовремя забрать снизу почту для шефов. Сдавая ключ, Софья нарочно уронила его на пол, со стороны охранника. Пока тот нагнулся за ключом, она достала из-под куртки конверт и быстро засунула его в серединку стопки документов с нужной фамилией в графе «Кому».

Любопытно, прочтет он открытку сегодня или завтра, и прочтет ли вообще, и проявится ли что-нибудь еще на фотографии, если Софья не увидит, как действует на него открытка?

На клумбе, недалеко от выхода, лежало разбитое кресло – его до сих пор никто не убрал. Пластиковая ножка с разломанным колесиком беспомощно торчала вверх. В порванной спинке вяло ковырялась серобокая сорока. У Софьи во рту появился на мгновение горький, неприятный вкус, как будто в рот попал листик полыни. Она отвернулась и зашагала в сторону дома, обходя лужи. Несмотря на серый, дождливый вечер и понурые лица спешащих домой людей, ей все время хотелось улыбаться. В общей лишенной цвета мгле вокруг нее светилась персональная радуга – аура бесшабашной детской игры.

Каждая открытка пробивала брешь в чужой целлулоидной оболочке, вытаскивала из-под толстого защитного слоя настоящие чувства, пусть страх, пусть шок, но естественные, неподуманные, живые. Нет, Софья не испытывала в офисе того восхитительного созвучия, эхом пронизывающего все ее существо, как с особенными покупателями в отделе упаковки, но этих чувств оказалось достаточно, чтобы волшебный поток, хранящийся в открытках, проявлял фотографию, и все остальное: косые взгляды, бессмысленность работы, запахи офисных вечеринок, унылая серость здания – перестало иметь значение. В царстве пыли и бумаги потихоньку пробуждалось что-то созвучное ей самой – одна-единственная, пока еще очень тихая, но родная нота в чужой и холодной офисной симфонии.

Глава IV

Больше всего Инге хотелось узнать, где сейчас Роза. Но собеседница не спешила отвечать на этот вопрос. Она рассказывала долго и подробно, словно очень долго ждала, что однажды кто-нибудь придет и начнет ее расспрашивать. Похоже, она не знала, насколько близко были на самом деле тетя Марта и ее мать, или не хотела об этом говорить. Сказала только, что ее бабушка с дедушкой, родители Розы, эту дружбу, мягко говоря, не одобряли. Девочки познакомились еще в школьные годы, они вместе занимались в художественной школе и с тех самых пор были не разлей вода, даже ночевали частенько друг у друга. Ничего удивительного, что Инга не нашла Розу в Одноклассниках – она не знала, что Марта училась в художественной школе. Бабушка переживала, что Роза с Мартой все время проводят над какими-то дурацкими аппликациями, совсем не ходят на танцы и не встречаются с молодыми людьми. Бог не дал ей самой больше детей, она всю жизнь мечтала о внуках и больше всего боялась, что Роза останется старой девой. Но та по-прежнему все вечера проводила у себя в комнате или у Марты.

Однажды Роза подарила матери на день рождения роскошную песцовую шубу. Родители беспокоились, но она отвечала, что нашла очень хорошую работу для художников на дому. В доме появился цветной телевизор и настоящий кассетный магнитофон, импортная стенка и хрустальная посуда, а еще Роза раздобыла где-то шикарный антикварный комод, запирающийся на хитрый замок. Все больше и больше времени она проводила взаперти у себя в комнате, Марта заходила в гости все реже. Роза стала плохо выглядеть, сильно похудела. Бабушка доставала для нее фрукты зимой, покупала на рынке варенье, заставляла хотя бы раз в день гулять. Потом у бабушки стали болеть ноги, и она все чаще просила погулять с Розой молодого бухгалтера, который жил в соседнем подъезде. Роза все посмеивалась, что в наказание за то, что ребенка называли «Львом», бог сделал его маленьким, тщедушным и беззащитным зайцем, но гулять все же соглашалась. Как-то раз она сходила в театр, вернулась в слезах и несколько дней никуда не выходила. А через месяц сыграли скромную свадьбу. Спустя год родилась дочь Дина. Они теснились теперь впятером в двушке, в комнате молодоженов два угла были отгорожены ширмами: в одном стояла детская кроватка, а в другом – комод и маленький столик, за которым Роза работала. Крыша все время протекала, сквозь окна, несмотря на толстый слой ваты и плотные белые полосы на рамах, просачивались сквозняки, Дина часто простужалась, потом долго, нутужно кашляла и капризничала, когда бабушка вливала в нее очередной травяной отвар. Но Роза повеселела, стала улыбаться, исчезли поселившиеся, кажется, навечно глубокие тени под иссиня-черными глазами. Она продолжала работать, даже когда была уже на сносях и когда бессонными ночами убаюкивала ребенка. Подростающую Дину баловали шоколадными конфетами и красивыми платьями, потом стали появляться яркие заграничные игрушки. Бабушка души не чаяла во внучке, отдавала ей все свое время. Дом наполнился тихим уютным счастьем, семейные праздники случались гораздо чаще мелких ссор.

В один из сонных семейных вечеров, когда Лев читал газету, почесывая наметившуюся лысину, Дина переодевала куклу, а Роза гладила постельное белье, бабушка оторвалась от вязания и сообщила:

- Хорошо, что ты больше не общаешься с той несносной девицей.
- Почему? – спросила Роза, сразу же поняв, о ком речь.
- Я слышала, ее посадили. Какая-то темная история. То ли за воровство, то ли за хулиганство.
- Да? Действительно, хорошо.
- Тем же вечером, когда Роза расчесывала длинные черные волосы дочери, Дина спросила:
  - Мам, а почему у тебя руки такие холодные?
  - Наверное, я просто сегодня очень устала.

– Ты ведь и раньше уставала, но они никогда не были у тебя такими холодными!

– Сегодня я устала по-другому. Вырастешь – может быть, поймешь. Кстати, я давно собиралась тебе сказать...

Роза открыла ящик комода и показала дочери красивые ножницы с бронзовыми ручками.

– Видишь эти ножницы? Они хранятся в комоде. Пожалуйста, никому не отдавай их. Никогда-никогда. Даже когда вырастешь. Просто пусть они будут с тобой.

– А зачем они мне, мама?

– На память, – улыбнулась она и обняла дочь.

Спустя неделю Роза исчезла. Вечером все, как обычно, легли спать. Роза допоздна сидела у своего комода с ночником. Муж с дочкой так привыкли к ее ночным посиделкам, что спать им это совсем не мешало. А утром проснулись – Розы нигде нет. Все вещи на месте – пальто, шляпа, сапоги, юбки и блузки. Пропали только ночная сорочка и халат, в которых она была ночью. На комode лежали аккуратной кучкой обрезки бумаги и картона, карандаши и ножницы.

– Тогда я впервые взяла их в руки. – Дина Львовна открыла ящик комода, достала ножницы и украдкой вытерла слезу в уголке глаза. – Мама никогда не показывала мне свои работы. Она все прятала в комоде – и открытки, и инструменты, и бумагу. В детстве я много раз пыталась открыть его, когда в комнате никого не было, но тут очень хитрый замок. Когда она пропала, папа приглашал мастера, чтобы его взломать.

Ножницы были в точности такие же, как у тети Марты, – старинные, с бронзовыми ручками в крохотных бабочках. Наверное, они их вместе покупали. И зачем они нужны такие – неудобные, громоздкие, тяжелые, в руку и то не ложатся нормально.

– От нее осталось много открыток. Целая пачка. Хотите посмотреть?

– Хочу. Вы так и не узнали, куда она пропала?

– Бабушка считала, что во всем виновата Марта. Она была уверена, что ночью в окно влезли какие-то шпионы или спецслужбы и похитили Розу. Дедушка с папой боялись за ее рассудок.

– Но вы ведь так не думаете? Иначе вы не стали бы мне все это рассказывать?

– Мне трудно судить. Я была слишком мала тогда.

– А ваш отец, он...

– Папа умер, когда ему не было и пятидесяти. Он очень сдал, когда мама пропала.

– Мне очень жаль.

– Инга, я бы хотела поговорить с вашей тетей. Я хочу больше узнать о маме. Вы скажете мне, где ее найти?

Инга усмехнулась.

– Я дам вам адрес, но я совсем не уверена, что старая перечница захочет с вами разговаривать. Характер у нее тот еще.

Она перебирала открытки. Мамин альбом казался на их фоне жалкой домашней поделкой. Роза была талантливой художницей. Настроение угадывалось в карточках при одном только взгляде, без всякого волшебства. Их можно было бы сдать в музей или даже продавать на аукционе.

– А эти открытки... вы ничего не замечали в них особенного?

– Они очень красивые. Ручная работа. Знаете, сейчас это модно – скрапбукинг и все такое. А тогда никто этим не занимался. Неудивительно, что маме хорошо за них платили. В те времена в магазинах все было таким серым и унылым, а у нее получались настоящие произведения искусства, редкий подарок. Мне иногда кажется, что в них прячется солнце.

– Скрапбукинг? – Инга где-то раньше слышала это название, но никогда не интересовалась им.

– Ну да, так сейчас называют это хобби – самодельные открытки и фотоальбомы.

– А чего-нибудь странного не замечали? Например, берешь открытку, и голова кружится? – спросила Инга и внимательно посмотрела на собеседницу.

Дина Львовна приподняла брови.

– Может быть, у вас аллергия на бумажную пыль?

– Нет-нет. Не берите в голову, – вздохнула Инга. – Может, и аллергия.

Она рассматривала одну открытку за другой, снова и снова, и ей невыносимо захотелось унести их все с собой. Найти секрет каждой, проникнуть внутрь, прочесть кусочек неизвестной жизни. Бывает трудно удержаться от соблазна подсмотреть в замочную скважину или прочесть чужой дневник. А тут даже не виртуальная реальность, тут все такое настоящее! Как будто появилась вторая жизнь с возможностью полного погружения, ярче, чем фильм, увлекательнее, чем самая захватывающая книга.

Вот эта открытка, явно свадебная, с огромной белоснежной лилией и кольцами из фольги, почему в ней нет текста? Почему ее не подарили молодоженам? Или вот эта красочная, с радугой и разноцветными пуговичками, кому она адресована, может быть, ребенку? А эта, которая изображает старинную дверь с ажурными коваными петлями? Еще одна – часы-брегет без крышки, с позолоченным циферблатом, птица в черной клетке, крылышко из кружева, простая белая пуговица, складки ткани, почему только возьмешь ее в руки, и не хочется отпускать? Положить бы рядом, на стол, или поставить у себя на кухне, чтобы всегда радовала глаз. Или следующая, с прищепкой и картонной бабочкой, билетом на троллейбус и кожаным чемоданом, так и веет тихой грустью, аж слезы наворачиваются, почему так?

После свадебных и юбилейных открыток лежали детские. Одна – под старину, с объемным трехколесным велосипедом и сочным яблоком, вкусная, как пирожок с маминой сковородки. Вторая заставила Ингу вздрогнуть. Крутится на открытке карусель, чередуются на ней разноцветные самолетик и кораблики, снизу море перебирает волнами голубого нежного бархата, сверху солнце искрит скользкими блестящими лучами. Инга повернула круг, и самый большой самолетик оказался прямо над морем, а кораблик – в небе возле солнышка. Ей вдруг стало страшно. Животный, панический ужас сковал пальцы, пробежали по спине мурашки, потемнело на миг в глазах. Ингу охватило желание бежать из этой квартиры, инстинктивное,

непреодолимое, словно комната была охвачена огнем. «Только бы в обморок не грохнуться!» – подумала Инга и ухватилась за край комода.

Дина Львовна посмотрела на нее обеспокоенно.

– С вами все в порядке?

– Да, – кивнула Инга. – Наверное, все-таки аллергия.

– Давайте, я их возьму, – протянула руку женщина.

Инга вцепилась в пачку открыток, как будто у нее хотели отобрать последний кусок хлеба. В детстве у них дома была маленькая собачка, однажды она родила щенков. Через месяц пушистики подросли и стали настоящими очаровашками, Инга возилась с ними целыми днями, влюбленная во всех сразу и в каждого в отдельности. Один дурачок забрался в сундук в кладовке и, пока его искали, успел там задохнуться. Инга помнила, как держала в руках крохотное мертвое тельце и никак не могла отдать его маме, чтобы похоронить. Ей ужасно, невыносимо хотелось избавиться от него. Во-первых, потому, что он был мертвый, а смерть – это непонятно и страшно. Во-вторых, ей просто хотелось забыть о том, что он был, и тогда не будет так больно, как будто никогда его и не было, и станет казаться, что собака родила не четверых, а только троих. И в то же время Инга разглядывала пятнистую мордочку, жалкие ушки, безвольно повисшую лапку и не могла его отдать. Ей казалось, что вместе с этим тельцем она отдает что-то безвозвратно. Может быть, тогда она потеряла наивную детскую веру, что жизнь – штука вечная.

Сейчас она отчетливо понимала, что держит в руках не просто пачку картона и бумаги, и отдаст вместе с ними что-то неуволимое и безвозвратное, как вместе с тем щенком, но, что именно, она поймет гораздо позже. Если вообще когда-нибудь поймет. Интересно, можно купить эти отрывки? Она посмотрела на Дину Львовну – худая и бледная, она куталась в черный вязаный платок, тонкие пальцы не по возрасту рано покрывала паутинка морщин. Схватить сейчас эту пачку и выскочить! Не будет же она в милицию заявлять, что у нее открытки украли. Та как почувствовала мысли Инги, болезненно поморщилась и сказала:

– Эти открытки – все, что осталось у меня от матери.

– Можно, я куплю у вас одну? – попросила Инга неожиданно для себя.

Дина Львовна подошла к ней, накрыла холодными ладонями теплые руки Инги и пачку открыток в них, закрыла глаза. Инга замерла, боясь пошевелиться. Через некоторое время женщина произнесла:

– Похоже, вам это действительно очень нужно. Хорошо, возьмите одну, просто так, мне не нужно денег. Оставьте только адрес вашей тети.

– Какую можно взять? – спросила Инга.

– Любую, какую хотите.

Легко сказать! Все равно что выбрать одну-единственную юбку в модном магазине, в котором вдруг все стало бесплатно. И она снова принялась жадно перебирать карточки. И снова замерли пальцы на открытке с каруселью, руки дернулись, словно пальцы дотронулись до паука, она чуть не выронила открытки.

– Возьмите ту, которую вам хотелось бы видеть каждый день, – пришла на помощь Дина Львовна.

Инга выбрала открытку с позолоченными часами.

– Можно, я еще инструменты посмотрю?

– Только недолго, у меня дела.

Инга перебирала карандаши, самодельные штампики, баночки с засохшим клеем, картонные трафареты, фигурные ножницы с пластмассовыми ручками, мелки и карандаши, какие-то совсем непонятные штуковины. Она не знала, что именно ищет, пока не наткнулась на маленький пластмассовый трафарет. Латинские буквы вместе с русскими складывались в общее: «V. S. Скрапбукеры». Похоже, это то, что нужно.

Она оставила адрес тети Марты и с облегчением вышла на улицу. Вот это история! Пожалуй, какая-нибудь сентиментальная девушка на месте Инги непременно всплакнула бы. Дина Львовна, похоже, до сих пор переживает исчезновение матери, как будто это произошло вчера. Столько лет прошло, пора бы уже забыть и жить дальше. Все-таки до чего некоторые люди склонны к меланхолии – дай им только повод предаться печали. Но это не имеет значения, важно другое: исчезновение родителей наверняка связано с открытками! Инга не сумасшедшая, и чужие воспоминания в оживающих картинках – не галлюцинация.

Может быть, тут и правда замешаны какие-то спецслужбы? Отец свободно владел семью языками и еще с десятка мог переводить со словарем, даже с редкого румынского. Возможно, его знания кому-то пригодились? Может быть, в открытках прячутся какие-то шпионские сведения? Не в тексте, а в виде оживающей картинки, в чьих-то воспоминаниях. Сцена убийства шпиона? Планы убить президента? Инга потеряла кончик уха, встряхнулась. Глупости какие! Родители и шпионы, это все равно что заяц в погонах. Однако у тети Марты, оказывается, бурная биография. Лесбиянка, сидела в тюрьме, кто бы мог подумать! Ничего удивительного, что она к старости совсем свихнулась.

Дочь Розы Рабинович и ее история послужили для Инги катализатором. Она наконец-то напрочь забыла о пугающей бездне, что пряталась в старых страницах, и тех смутных ощущениях, что терзали ее после чужих воспоминаний, и с головой погрузилась в дела. Теперь, когда у нее было несколько зацепок, она мчалась к цели, как спринтер на последних метрах дистанции.

Когда она вернулась домой и уселась за компьютер, чтобы переписать из блокнота все, что слышала, в дверь позвонили. Явился противный рыжий Таракан, в квартиру ворвался запах одеколона с каким-то новым, отталкивающим оттенком, похожим на больничный запах. Инге не терпелось выставить его вон и вернуться к своим поискам, поэтому она налетела на него прямо с порога, как катком размазала по асфальту.

– Артур Германович! – широко улыбнулась она. – Давненько вас не было видно! И почему я не удивляюсь, что вам известен мой адрес?

– А я, знаете, заглянул к вашим родителям, там никто не отвечает. Адрес ваш, между прочим, не секрет. В этой стране чужие адреса вообще ни для кого не секрет.

– Нет, не входите, я вас надолго не задержу. – Инга остановила его у порога, когда он попытался снять ботинки.

– Инна Иннокентьевна, дорогая! Неужто вы сделали правильный выбор и решили мне помочь? – Он подмигнул ей, Ингу передернуло.

– Я все равно не понимаю, что за помощь вы имеете в виду, – покачала головой Инга.

– Ну тогда хотя бы отдайте мне открытку с каруселью. За это я прощу вам половину долга. Инга вздрогнула.

– Откуда вы знаете? И что вы знаете об этой открытке?

– Ничего. Просто раритет, ценная вещь, авторская работа.

– Стоимостью в сотни тысяч? Вы чего-то недоговариваете.

– Лично мне она дорога. Так что, уступите? – Он светился от любезности.

– Знаете, мне кажется, среди ваших бумаг кое-чего не хватает, – холодно ответила она.

– Чего же? – Его усики с любопытством встопорщились.

– Искового заявления, например. Иначе на каком основании вы требуете от меня возврата денег? – Она внимательно смотрела на него.

– Изучили вопрос, Инга Иннокентьевна? – ухмыльнулся Таракан. – Не волнуйтесь, это у меня много времени не займет.

– Ну вот и прекрасно. Займитесь этим. – Инга уперла руки в бока. – Всего хорошего!

– И вам тоже.

Он попрощался и ушел, оставив за собой шлейф тяжелого запаха. Инга распахнула окна, накинула на плечи плед и достала открытку с каруселью. Что же в ней такого особенного? Но, как ни крутила она ее в руках, ничего не происходило. Торчит парусник над голубым бархатным морем, сдвинешь карусель – возвращается обратно.

Инга бросила открытку и уткнулась в компьютер. Хлопнула в ладоши и сказала себе вслух:

– Даешь план взятия Бастилии!

Пока не забыла, она записала все, что рассказала ей Дина Львовна, а потом с головой погрузилась в Интернет. Сетевая энциклопедия о скрапбукинге и кардмейкинге рассказывала довольно подробно:

«Скрапбукинг (или скрэпбукинг, англ. Scrapbooking: scrap – вырезка и book – книга, букв. „книга из вырезок“) – вид рукодельного искусства, заключающегося в изготовлении и оформлении семейных или личных фотоальбомов».

«Cardmaking is the craft of handmaking greeting cards. Many people with interests in allied crafts such as scrapbooking and stamping have begun to use their skills to start making handmade cards. This has contributed to cardmaking becoming a popular hobby».

В самом деле, скрапбукинг оказался очень популярным хобби. Она нашла тысячи, если не миллионы, дневников и галерей скрапбукеров и кардмейкеров. Некоторые открытки были фантастически красивыми, другие были похожи на детсадовские поделки, но нигде не упоминалось о странных свойствах самодельных открыток. Переборов смутный страх, она поискала открытки с каруселью, но ничего не нашла. По запросу «V. S. scrapbooking» поисковые системы ничего не выдавали. Инга попробовала набрать просто «V. S.», вопреки ее ожиданиям, коньяк в результатах поиска не высветился, зато она узнала, что аббревиатура «VS» означает «versus» и обычно используется, чтобы показать противопоставление, а еще VS – это «Visual Studio» – что-то из лексикона программистов.

Инга нашла в Одноклассниках художественную школу, где учились Марта и Роза. Выпускников обнаружилось немного. За четыре года их учебы и еще три следующих года набралось всего около двадцати человек. Она долго размышляла, как именно с ними заговорить. В конце концов, отправила сообщение с вопросом, не сохранились у кого-нибудь старые ножницы с бронзовыми ручками и узором в виде бабочек.

И что дальше? Сидеть и ждать? Попробовать поискать что-то в городской библиотеке? Дать объявление в газету? Все это можно сделать, но ничто не даст моментальных результатов. А время поджигает, этот жук уже в понедельник предъявит нужную бумагу. Инга задумалась. От размышлений ее отвлек попугай:

– Пррррресса! Пррррресса! – выкрикивал он скрипучим голосом. – Павлуша, пресса!

У всех есть свои причуды, даже у животных. Кошки любят гонять мячики и фантики, собаки – носить палки, а Павлик ужасно любил рвать в клочки газету – после самолюбования в зеркале это у него было вторым по популярности ежедневным занятием. Инга посмеивалась над ним – вот ведь ненавистник прессы! Чистый лист или распечатку на обычной бумаге рвать ни в жизни не будет, а газету – всегда в мелкие клочки!

– Уррра! – вопил он и отрывал длинные полосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.